

До новых встреч!

Спросите любителей гребли, знают ли они, что такое «Аврора-3», и каждый из них ответит: так называется лодка Московской мужской восьмерки гребцов, на которой они не однажды пересекли первыми линию финишного старта в финальных заездах чемпионатов страны и Европы. Сразу же после того, как на водной станции «Динамо» в Химках был опущен флаг Спартакнады народов СССР, знаменитая лодка была тщательно упакована и отправлена из Москвы в Югославию, где вскоре будет разыграно первенство Европы по академической гребле. Будем надеяться, что и там московской «Авроре» суждено быть на финише первой, как это случилось несколько дней назад в естественных водах, на дистанции гребных гонок Спартакнады.

Соревнования Спартакнады стали теперь достоянием нашей физкультурной истории: отзывались судейские свистки, отстрелились стартеры, заполнены все протоколы, подсчитаны очки, вручены призы победителям. В кино студиях операторы и лаборанты проявляют тысячи метров пленки будущего фильма.

Наши тренеры, судьи, мастера, спортивные комментаторы и журналисты еще долго будут изучать итоги Спартакнады. Даны в цифровом выражении эти итоги дают немалую пищу для размышлений и оптимистических выводов. Если число мировых и всесоюзных рекордов, установленных на Спартакнаде, измеряется двузначными цифрами, то число республиканских — трехзначными. Около трехсот участников (причем многие впервые) выполнили нормы мастеров спорта по легкой атлетике, плаванию, штанге, пулевой и стендовой стрельбе, велосипеду. Но, кроме тех, чьи показатели измеряются секундами, метрами, килограммами и количеством пробов в мишенях, звания мастеров получили еще десятки баскетболистов, волейболистов, футболистов. Словом, в полку наших мастеров прибыло!

В списках чемпионов Спартакнады мы найдем и таких, как заслуженный мастер спорта И. Котляк, которому исполнилось недавно 41 год, и его одноклассник А. Беконшилин. Можно лишь предвидеть, насколько удачно сложится спортивное долготлетие этих замечательных борцов, хотя, с другой стороны, несколько тревожит и тот факт, что у них что-то не видно до сих пор достояния молодых преемников. Не слишком радуется и то, что среди мужчин-финалистов теннисного турнира Спартакнады нет ни одного молоде тридцати лет.

И все-таки Спартакнада стала торжеством юности. Еще пять-шесть лет назад было бы иначе, когда на нашем спортивном горизонте всходила вдруг семнадцатилетняя «звезда». А сейчас за сверло множество таких «звезд», и к тому же — крупной величины. Что ж, это в порядке вещей и это, пожалуй, самый приятный, самый обнадеживающий итог Спартакнады.

Очень много молодых талантов, — сказал он. Журналист Сляпи — ищущий в спорте человек, и поэтому было интересно услышать его (как и многих других иностранных гостей) суждения. По словам Сляпи, за рубежом особенно интересуются и с большим вниманием следят за нашими легкоатлетами, футболистами, баскетболистами, боксерами, гребцами, штангистами. Советские легкоатлеты, в частности по сравнению с 1952 (XV олимпийские игры) и 1954 (чемпионат Европы) годами, сделали особенно заметный шаг вперед. Сляпи сказал, что один из самых красивых мировых рекордов, при рождении которых он когда-то присутствовал, был рекорд Семена Яригина в беге на 3000 метров с препятствиями. По мнению американского журналиста, у Яригина, если он пойдет в сильной компании, есть в запасе еще секунд пятнадцать.

— Ну, а как с плаванием? Сляпи, улыбаясь, разводит руками: — Мне хотелось бы говорить сегодня только приятное... — А как теннис? Сляпи замечает, что за рубежом многие вообще не подозревают, что у нас культивируется эта игра: ведь наши теннисисты участвуют в международных турнирах, а некоторые из них еще выигрывают. Один участник Спартакнады с горечью сказал мне, что у нас для того, чтобы любить теннис, надо быть подлинником: инвентарь стоит дорого, площадок очень мало, и берутся они буквально с боя, а детям попасть туда вообще почти невозможно...

Обо всем этом, конечно, не слишком приятно говорить, но говорить надо, ибо стыдливые молчание никогда не улучшает дела. А нам всем хочется, чтобы и с плаванием, и с теннисом, и с другими видами спорта, которые все еще считаются в отсталых, дело поправилось самым решительным образом.

Есть что поправлять и в легкой атлетике. Разумеется, отпадно, что в беге на 800 и 1500 метров произошла смена чемпионов. Не слишком радуется и то, что среди мужчин-финалистов теннисного турнира Спартакнады нет ни одного молоде тридцати лет.

И все-таки Спартакнада стала торжеством юности. Еще пять-шесть лет назад было бы иначе, когда на нашем спортивном горизонте всходила вдруг семнадцатилетняя «звезда». А сейчас за сверло множество таких «звезд», и к тому же — крупной величины. Что ж, это в порядке вещей и это, пожалуй, самый приятный, самый обнадеживающий итог Спартакнады.

Очень много молодых талантов, — сказал он. Журналист Сляпи — ищущий в спорте человек, и поэтому было интересно услышать его (как и многих других иностранных гостей) суждения. По словам Сляпи, за рубежом особенно интересуются и с большим вниманием следят за нашими легкоатлетами, футболистами, баскетболистами, боксерами, гребцами, штангистами. Советские легкоатлеты, в частности по сравнению с 1952 (XV олимпийские игры) и 1954 (чемпионат Европы) годами, сделали особенно заметный шаг вперед. Сляпи сказал, что один из самых красивых мировых рекордов, при рождении которых он когда-то присутствовал, был рекорд Семена Яригина в беге на 3000 метров с препятствиями. По мнению американского журналиста, у Яригина, если он пойдет в сильной компании, есть в запасе еще секунд пятнадцать.

этом результате в достижениях лучших зарубежных легкоатлетов, то сравнение получится не в нашу пользу.

Я беседовал со многими тренерами и мастерами. Эти люди трезво смотрят на вещи. Нам нужно внимательно изучать зарубежные технические достижения в области спорта. Говорилось о том, что копье конструкции Хелда (его, кстати, метает мировой рекордсмен поляк Януш Сидло) у нас изучено и освоено весьма слабо. Не найден пока наилучший состав грунта беговых дорожек. На Центральном стадионе, в частности дорожка, по отзывам специалистов, в первые дни Спартакнады была плохой. Государственный тренер по легкой атлетике Г. Коробков заявляет, что Л. Бартевев и Б. Токарев полностью подготовлены к тому, чтобы пробежать 100 метров за 10,2—10,3 сек., и будь дорожка лучше, мы, возможно, были бы свидетелями рождения нового рекорда страны.

А. Игнатев также не слишком доволен дорожкой: покров ее неодинаково хорошего качества, в коротких шпихах по ней бежать можно, но в длинных нельзя — грунт осыпается под ногами.

Нельзя обойти молчанием и претензии футболистов. Мне привели беседу с судьей международной категории Н. Латышевым, заслуженный мастером спорта С. Сальниковым и другими футбольными авторитетами. По их мнению, к подготовке и формированию сборных коллективов в республиках подошли формально — назвали команды классов «А» и «Б» сборными, тем и ограничили. Только Ленинград и украинцы создали действительно сборные команды, но они оказались несерьезными. Необходимо учесть все эти уроки на будущее.

О каком, собственно, будущем идет речь? — может спросить читатель. О том самом, о котором говорил мне Ардалон Игнатев, чьиими словами и стоит заключить эту корреспонденцию:

— Спартакнада народов СССР была для нас делом спорта огромным событием, и хочется верить, что отныне она станет традицией, как стали традицией олимпийские игры. По-моему, Спартакнада должна проводиться в предоллимпийский год, но это уже вопрос второй. Главное, чтобы через три или четыре года все мы снова встретились в Москве на следующей Спартакнаде народов СССР.

Что ж, если это пожелание выдающегося спортсмена, которое, кстати, высказывали и многие другие участники, осуществится, то нам остается только сказать:

— До новых встреч на очередной Спартакнаде, друзья!

И. БАРУ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 98 (3599)

Суббота, 18 августа 1956 г.

Цена 40 коп.

И. ВЕЛОВ, А. ВЕЛИЧКО, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Монолог конструктора

ПИСЬМА С КУБАНИ

3. Нас было трое — конструктор и два автора этой корреспонденции. Сперва все шло в плане обычного интервью, правда, с поправками на полевого обстановку. Человек, с которым мы беседовали, не сидел в кресле за письменным столом, а ходил вместе с нами в эту лунную ночь по аллеям, обсаженным африкосами, в центральной усадьбе института по испытанию сельскохозяйственных машин, и рядом стрекотала не пишущая машинка секретари конструктора, а довольно-таки солидная машина, созданная по замыслам нашего собеседника и убравшая, даже ночью, гектар за гектаром великодушную кубанскую пшеницу.

Но интервью было как интервью — мы задавали вопросы, конструктор отвечал. Луна светила воясь, и наши авторучки исправно записали записи в блокноты. В общем все шло, как полагается. И вдруг наш собеседник сказал:

— А может быть, вы просто хотите послушать меня и вы обойдетесь без традиционной формы вопросов и ответов? То ли такая чудесная, что спать не хочется, а разговаривая, мы ненароком затронуть какие-то «струны души», то ли сама обстановка вокруг такая, что будоражит чувства и мысли... Согласитесь, что когда на этих полях идет экзамен комбайн нашего завода, то я, конструктор, также чувствую себя как бы на экзамене.

Прислушались-ка: вот идет по полям наша машина. Ее и не видно отсюда, а я очень хорошо представляю себе и легкую окраску деревянного мотовила, поднимающего под себя косяки, и полбежающую в лунном свете стальную зубчатую ленту хедера, срезающую хлебную полосу, и ровный поток зерна, струящегося в бункер. Понимаете ли — пошла, идет наша машина!

Она уже стала явью, и ровный стрекот ее мотора так же не отделим от кубанских полей, как шелест хлеба на ветру, как топотная трель сверчка, как тяжелое дыхание поезда вон там вдали... А я вижу сейчас перед собой не только это поле, но и завод, на котором мы делали комбайн, и людей завода, и чертежи, и первые партии деталей, и пролеты цеха — ну, в общем, вижу, как мы делали машину, как она вышла из заводских ворот и пошла сюда.

Думаю, что это лирическое вступление вас не удивит. В каждом деле есть своя поэзия. Есть, конечно, она и у нас. Представьте себе те необъятные просторы нашей страны, на которые выходит машина, и что несет она миллионам советских людей, и вы поймете нашу профессиональную гордость. Мы, конструкторы и строители сельскохозяйственных машин, стоим как бы на стыке двух экономических основ нашего государства — промышленности и земледелия, и отвечаем за уровень механизации сельского хозяйства.

Как видите, я не очень-то скромничая, говорю о своей роли, о роли конструктора, но что поделаете! — надоело скромничать. С нами ведь мало считаются! Факты? Пожалуйста!

Вам, кажется, говорил начальник Таганрогского ГСБ — подержанная, государственного специального конструкторского бюро — товарищ Строчков о странной метафоре, которая произошла с этим бюро. Создано оно было по решению правительства при Министерстве тракторного и сельскохозяйственного машиностроения, точнее, при Техническом совете министерства. Независимость, масштабность, огромные возможности для конструкторского творчества, не так ли? Оказалось, не так. С какой-то катастрофической быстротой масштабность эта исчезла на наших глазах. Министр вездеход и переезд ГСБ в ведение Главка, а начальник Главка, по сути дела, возложил эту «обузу» на плечи директора Таганрогского завода самоходных комбайнов. И хотя правительство не отменяло своего решения, получались так, что никакой самостоятельности у ГСБ не осталось. Завод завода по своему разумению дает задания экспериментальной цеху этого бюро, считая его своим подсобным цехом, резер-

Окончание. Начало см. «Литературную газету», № 93 и 94.

вом для выполнения производственного плана, а если Строчков protestует, оставляет свои права, его берут в работу «по партийной линии». Вот и весь сказ!

Что уж тут говорить о положении обычных СКБ при заводах! Вам не рассказывал главный конструктор Ростсельмаша товарищ Исаенко, как за маленькую попытку отстоять право конструкторского бюро заниматься только своим прямым делом — конструированием, на него покрывают в дирекции: «На завод не пустим! Пропуска у всех отберем!». Не хватало, мол, перемолиться со «своим» бюро! И не потому ли на Ростсельмаше восемь лет воздвигся с конструированием комбайна «РСМ-8», а конструкторского задела, хотя бы каких-нибудь набросков нового комбайна у них и поныне нет. Подсобники, а не ведущая инженерная сила. Понимаете ли вы теперь меня, почему я не хочу скромничать? Спросите любого конструктора, и он вам скажет — надоело быть на вторых ролях!

Знаете, о чем мы мечтаем? О том, чтобы не СКБ было при заводе, а при СКБ был завод, опытный, конечно. Как у нас в авиации или как у большинства иностранных фирм. Прикиньте, как бы это развело нашу инициативу, открыло бы перед нами огромные творческие возможности. И спрос с нас бы другой. Задумай, сделал, сам испытай на полях, доведи машину до совершенства, а тогда пусть берут у тебя машину другие заводы для массового производства. Реально ли это? Разумеется. Но пока это только мечта.

А когда мечта не сбывается, у человека опускаются руки. Есть же у нас такие конструкторы, которые отказываются от своей профессии — от такой заманчивой и подлинно творческой! — и идут инженером на производство. Там-то каждый день видишь плоды трудов своих, а здесь иногда годы проходят бесцельно, и на тебя, уже косящая, как на бездельника. Иногда я сам к себе терпешье уважение. А тут еще тебя подзадерживают: подумаете, мол, трудно ли конструировать сельскохозяйственную машину — механика-де несложная, производственные процессы в земледелии тоже, класс точности машин невысокий. Это ж не самолет там или двигатель!

Хотите анекдот? Есть тут на окраине Армавира такое небольшое учреждение, опытный пункт ВИМ — Всесоюзного научно-исследовательского института механизации сельского хозяйства. Там и десятка специалистов не найдется. Так вот, прибыл как-то в адрес опытного пункта вагон деталей — и при этом называли, учителя! — а в накладной значилось, что получателям надлежит собрать и отремонтировать комбайн из присланных деталей. А комбайн новый, еще никому здесь не известного типа. Вселд за этим прибыл и конструктор этого комбайна Иванов, плотник по профессии. Чертежей у него никаких не оказалось, и он заявил, что не только сборку комбайна, но и значительную переделку его Министерством сельского хозяйства СССР поручает сделать по его устным указаниям.

Директор опытного пункта инженер Чаголов усомнился в возможности такого необычного распоряжения и запросил министерство. Ему ответили: да, собрать и переделать по устным указаниям автора. Директор послал письменный протест. Ему приказали: не мудрствуйте, действуйте!

И что ж, пришлось действовать. В любой другой области машиностроения такой способ конструирования машины был бы чрезвычайным проступком, но в сельскохозяйственном, оказывается, можно конструировать машину «со слов», с уточнением «на пальцах».

И ведь сделали-таки машину! Погрузили ее на железнодорожную платформу, и Иванов повез ее куда-то на север испытывать. Через год комбайн — все так же, валавал! — вновь прибыл в Армавир, и на опытный пункт опять были вынуждены монтировать и переделывать его по устным указани-

ям автора. Потом, как и прежде, комбайн отбыл в сопровождении автора на очередные испытания. Вмывцы с тревогой ожидали, что на следующий год им придется вновь заниматься этим неразумным делом, но недавно их успокоили: машина никуда не годится, ее забраковали.

Не знаю, как на вас, но на меня, да и на других конструкторов, этот анекдот производит очень тягостное впечатление. Можно ли так неуважительно относиться к конструирующей сложной машине, как это сделали те работники Министерства сельского хозяйства, которые, видимо, считают, что конструировать комбайн так же просто, как, скажем, титанку или лопату.

Я хотел бы, чтобы мои слова вызвали конкретный, деловой отклик прежде всего в Министерстве тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР и в Министерстве сельского хозяйства СССР. Труд конструктора сельскохозяйственных машин надо уважать, надо сделать все, чтобы он стал более эффективным, чтобы он давал советскому земледельцу все больше передовых, совершенных машин. В какой другой области производства творчества конструктора сказывается на труде буквально миллионов людей, как это происходит в сельском хозяйстве на широкой просторах нашего государства? Нигде, конечно. Механизирите даже не какой-то процесс в целом, а замените только одно движение руки человека работой механизма, и вы увидите, что эта многократно повторяемая на полях операция облегчит труд миллионов и миллионов людей. Так ведь? Для доказательности приведу вам маленький пример из опыта того же опытного пункта ВИМ в Армавире. Скопструировали там несложную, даже неказистую машину для обмолачивания початков семенной кукурузы. Штука очень несложная: бросаете в бункер машины початок, он проходит между двумя валками, обжатый резной, и они обирают зерно. Семенная кукуруза повсеместно выщипывается руками, залонами людей, и много представляет себе, как это утомительно и трудно. Подсчитал я как-то экономическую эффективность этой машины и ахнул: свыше десятка миллионов трудовой экономии она за год.

Вон ведь что, оказывается, может дать механизация только одной несложной операции в сельском хозяйстве. На фоне крупного проблем, которые должны решать конструкторы, этот случай может показаться и незначительным. Но ведь я вспоминаю о нем в слове, чтобы проиллюстрировать свою мысль.

Впрочем, не слишком ли много я отнял у вас времени? И не слишком ли мало за это время я, конструктор, да, как у нас принято говорить, конструкторских предложений? Право, не знаю, не мне судить. Но одно настойчиво прошу учесть: мне очень не хотелось бы «бросить то слово на ветер, чтоб ветер унес его валь». Если можно, то сделайте так, чтобы это слово дошло по точному адресу. Пусть оно дойдет до тех товарищей, от которых зависит судьба конструкторов сельскохозяйственного машиностроения. Может быть, нас собрали бы, да поговорились с нами, да приняли бы какое-то радикальное решение?

...Простите, мы с нашим собеседником ознакомились. Он свернул с аллеи и пошел поем к палаткам, в которых разместились конструкторы, инженеры и рабочие его завода, прибывшие на испытание созданного ими комбайна. Он еще постоял у палатки, покуривая, и издалека была видна его высокая фигура в скромном парусиновом костюме. Потом он поднял полотнище палатки и помахал нам на прощание соломенной шляпой.

— Прощу продолжать наш разговор на страницах газеты! — крикнул он. — Право же, разговор этот очень нужен.

Да, нужен. И поэтому свои письма с Кубани мы решили завершить этим монологом конструктора, озобоженного поисками путей к дальнейшему техническому прогрессу в строительстве машин для наших полей.

АРМАВИР, Краснодарский край.



—Смотри же, Яша, будь внимателен! — наказывает своему шутовальному Якову Давиденко комбайнер Раиса Корчагина. Да, времена меняются. Девню ли Раиса сама чувствовала себя новичком на этих просторах! Весной 1954 года приехала она сюда, на целину. «Я же ничего не умела», — говорила она директору Булавского совхоза Северо-Кавказской области. А ныне скромной девушке-комсомолке вручена большая машина и доверена уборка богатого урожая.

За два с половиной года Раиса Корчагина окончила училище механизации сельского хозяйства. А Яша Давиденко, ее помощник, приехал на уборку с Украины.

Жаркие дни наступили для обком... Фото А. Уляйна

Конкурс на лучшие пьесы

Министерство культуры РСФСР, Союза писателей СССР и Всесоюзное театральное общество в ознаменование 40-летия советской власти проводят всероссийский открытый конкурс на лучшие современные пьесы для драматических театров и театров юного зрителя. Цель конкурса — создание новых крупных драматических произведений о жизни и деятельности советских людей на всех этапах коммунистического строительства в нашей стране. Конкурс должен повысить творческую активность драматургов, выявить новые молодые силы драматургии, повлиять на идейно-художественный уровень репертуара театров.

Конкурс проводится в один тур с 15 августа 1956 года по 15 июля 1957 года. За лучшие произведения устанавливаются шесть премий: одна первая премия в 60 тысяч рублей, две вторые премии по 40 тысяч рублей каждая и три третьи премии по 30 тысяч рублей каждая. Принимаются неопубликованные в печати и не ставшие на сцене, телевизионные и радио-многоактные драматургические произведения различных жанров (драма, трагедия, комедия, водеvil, пьеса-сказка и т. п.).

В состав жюри всероссийского конкурса вошли: С. Никитин (председатель), А. Арбузов и Ф. Бондаренко (заместители председателя), В. Власов, А. Караганов, В. Писменов, А. Симуков, Е. Сурков, Ю. Чепурин, Л. Шейнин, Г. Штайн.

Журнал «Дон»

РОСТОВ-НА-ДОНУ. (Наш корр.) Местное отделение Союза писателей имеет свой печатный орган — литературно-художественный альманах «Дон». С 1957 года он организуется в ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Дон» — орган писательской организации Ростовской области. Журнал будет выходить объемом в 12 печатных листов. Тираж его — 30.000 экземпляров.

Встреча с Т. Аргези

Как уже сообщалось, 6 августа в Москве состоялась торжественная передача Правительственной делегации Румынской Народной Республики исторических ценностей румынского прикладного декоративного и изобразительного искусства. В составе этой делегации в Советский Союз приехал старейший румынский поэт академик Тулор Аргези.

На днях в иностранной комиссии Союза писателей состоялась встреча Т. Аргези с московскими литераторами. Отвечая на вопросы гостей, С.-Кирсанов говорил о становлении советской поэзии, о творческих дискуссиях на поэтические темы. Он познакомил Т. Аргези с содержанием сборника, выпускаемого ко Дню поэзии в Москве. Заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература» С. Дангулов сообщил, что журнал собираются публиковать фрагменты из поэмы Аргези «1907 год».

По просьбе собравшихся, румынский поэт рассказал о своих творческих планах. Он сообщил, что собирается написать книгу о Советском Союзе, а сейчас работает над мемуарами. По этому поводу он шутил, заметил, что писание мемуаров — «порок» человека, который долго живет.

Увековечение памяти Якуба Коласа

МИНСК. (Наш корр.) Центральный Комитет Коммунистической партии Белоруссии и Совет Министров Белорусской ССР приняли постановление об увековечении памяти Якуба Коласа. Решено переименовать Лодочный парк и Комаровскую площадь в Минске и площадь имени Якуба Коласа. На площади будет установлен памятник, а на родине Я. Коласа — в селе Николаеве, Столбцовского района, Минской области, — бюст поэта.

Имя Я. Коласа присваивается Минскому полиграфическому комбинату, Институту языка и Фундаментальной библиотеке Академии наук БССР, Дому творчества писателей в Королешевичах, средней школе № 44

в Минске и школе-интернату в городе Несвиже, размещенной в здании бывшей учительской семинарии, которую окончил поэт.

Создается литературный музей Якуба Коласа в Минске и филиал музея на его родине. Будут установлены мемориальные доски в местах, связанных с жизнью и творчеством Я. Коласа. В Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина и в Минском педагогическом институте имени А. М. Горького учреждены стипендии имени поэта.

Президиум Академии наук и правление Союза писателей БССР должны в течение 1957—1962 гг. издать полное собрание сочинений Якуба Коласа.

ДЛЯ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Почти половина всей бумаги, получаемой Детиздатом, идет на выпуск книг, посвященных школьному возрасту — они предназначены только для школьных библиотек. Издается эта серия (она так и называется «Школьная библиотека») и называется двенадцать лет и включает в себя произведения классической и современной художественной литературы, выпускаемой для классного и внеклассного чтения. Школы получили двести с лишним миллионов экземпляров книг этой серии за все годы.

Что выйдет в этой серии до конца нынешнего года? Первой на очереди — трагедия А. Пушкина «Борис Годунов», выдержавшая много изданий, но никогда не выходящая так, как это было у Л. Габриловича и В. Фаворского.

А вот другая книга: одна из самых любимых нашей детворой — «Овод» Э. Вейн. 92-летняя писательница обратилась недавно ко всем детям Советского Союза с пожеланием им «счастливого будущего в мире Мира». Это письмо Э. Вейн вместе с новым биографическим данным о ее жизни приводится во вступительной статье очерка Е. Тарутты.

Среди новых книг, которые выйдут в ближайших месяцах, — большой одноименный избранный произведений Владимира Маяковского, «Стихотворения и поэмы» Лермонтова, «Химина года» Томас Бичер-Стоу, «Пиринг и нищий» Марка Твена, «Оливер Твист» Диккенса.

ИНТЕРЕСНАЯ РАБОТА

«В. В. Маяковский в портретах и иллюстрациях» — интересная работа литературоведа Н. Голубенцева — выдвигается на днях Учгизом.

Фотографии и фотокопии документов занимают значительную часть обьектного труда. Они посвящены различным этапам жизни и творчеству поэта. Большой документальный материал — пособие для учителей литературы средних школ.

Произведения замечательного русского писателя И. А. Бунина последние время все чаще появляются на страницах нашей периодической печати. Его рассказы были напечатаны в журнале «Новый мир», «Огонек», Гослитиздат выпустил в прошлом году небольшую сборник его произведений.

В настоящее время одновременно выходят два новых издания: большой одноименный повестный и рассказный цикл, издаваемый и первая книга пятитомного собрания сочинений (приложение к журналу «Огонек»). В первую книгу пятитомника войдут рассказы 1892—1909 гг., во все последующие — то, что издавалось до 1918 года, в четвёртую книгу — произведения, написанные в эмиграции. Первые два тома собрания сочинений, в том числе и воспоминания Голубенцева, печатаются в пятой книге. В собрании сочинений, кроме прозы, будут даны и стихи.

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ДВА ИЗДАНИЯ

Довольно полное представление о творчестве И. Бунина даст и одноименный текст вышедший в Гослитиздате. В него вошли больше тридцати повестей и рассказов. Четыре произведения — «Антисем», «Дика», «Кавказ» — печатаются у нас впервые; два рассказа — «Ида» и «Солдаты» — мало известны, они были опубликованы в двадцатьи годах в малоизвестных изданий.

Произведения И. Бунина печатаются по вышедшим в последние годы произведениям писателя, вошедшим в пятитомное собрание сочинений, выпущенному в Берлине в 1934—1936 гг., заново отредактированному автором, а также по сборникам, вышедшим в издательстве имени Чехова в Нью-Йорке.

В Гослитиздате можно увидеть тот берлинский издательский текст, последний вариант поправок и надписей на обложке: «Юночество исправлено для нового издания, 20 окт. 1937 г. И. Б.» (то есть за полмесяца до смерти писателя). Аналогичные надписи сделаны и на других томах.

Составление и подготовка текстов этих изданий П. Вячеславов.

ДЕСЯТИТОМНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. С. ПУШКИНА

В Издательстве Академии наук СССР дан в печать первый том подлинного десятилетнего собрания сочинений А. С. Пушкина. В ближайшее время он выйдет в свет. Новый десятилетний сборник — исчерпывающее и дополненное издание этого выдающегося поэта, выпущенное в связи с 150-летием со дня его рождения. Новый десятилетний сборник составит сотысячидесять тысяч страниц.

Десять томов небольшого формата будут содержать полный текст произведений А. С. Пушкина, подготовленный на основе шестидесятилетнего академического издания, законченного в 1949 г. Незначительные отступления от него, исправление некоторых речистых слов, восстановление утраченных стихотворений обусловлены материальными, найденными пушкинистами в архивах, исправлениями, внесенными в текст. Восстановлены пушкинские тексты, опущенные из цензурных и иных соображений, которыми изобиловали до революции издания, стало возможным лишь в советское время. Библиографические и текстологические подробности опущены.

До конца текущего года выйдет в свет еще два тома нового издания.

РОМАН О ЖАН-ЖАКЕ РУССО

В ближайшее время советские читатели получат новый роман немецкой писательницы Лиды Фейтхвангер «Мудрость чудна или смерть и преображение Жан-Жака Руссо». В последствии, написанном для советского издания, Л. Фейтхвангер пишет: «В книге «Мудрость чудна или смерть и преображение Жан-Жака Руссо» я пытаюсь изобрести судьбу людей, которые не дали себя сбить с толку множеству туманных сил и мучительных отступлений от прямого пути и верили, что этот путь, вопреки всему, приведет к правильной цели. Действительность Жан-Жака была несчастливой жизнью, а действительная революция — крах после вдохновенного начала. Но творца, на которой строилась жизнь Жан-Жака и строились революционные события, подготавливать и по сей день, приносит людям счастье... Мне хотелось из жизни Жан-Жака взять не попла, а огонь, который светит и греет. Я хотел укрепить в читателе веру в прогресс».

Больше ста русских сказок входит в художественно оформленную сборник, выпускаемый Гослитиздатом. Часть сказок печатается в обработке Ал. Толстого; значительно использованы авторские сказки, поэзия, о творческих дискуссиях на поэтические темы. Он познакомил Т. Аргези с содержанием сборника, выпускаемого ко Дню поэзии в Москве. Заместитель главного редактора журнала «Иностранная литература» С. Дангулов сообщил, что журнал собираются публиковать фрагменты из поэмы Аргези «1907 год».

По просьбе собравшихся, румынский поэт рассказал о своих творческих планах. Он сообщил, что собирается написать книгу о Советском Союзе, а сейчас работает над мемуарами. По этому поводу он шутил, заметил, что писание мемуаров — «порок» человека, который долго живет.

О ЛЮБВИ К ТРУДУ

В первую мировую войну оскотел мальчик Володя Карасев. Матросы балтийской береговой обороны взяли его на воспитание. Уже подростком Карасев штурмовал вместе с матросами Зимний дворец.

«Про те памятные дни идет на заводе такой рассказ. Когда матросы ворвались во дворец, Карасев увидел перед собой царский трон и... оторопел. Но, постояв немного, он вдруг сел в бархатное кресло, осмотрелся вокруг, перебрал винтовку, а потом сказал: «Теперь мы наследники России» — так пишет токарь Кировского завода Л. Лалетин о другом токаре — Карасеве. Читатель узнает далее, что Карасев поступил на Путиловский завод (ныне Кировский завод), стал передовиком производства, автором многих изобретений, известным человеком.

Карасев ратует за новые методы труда на заводах, едет в ГДР и демонстрирует немецким токарям работу редактора своей системы, обладающего невиданной стойкостью. На страницах «Правды» он ведет разговор о проблемах пятилетки. Ленинградские коммунисты избирают Карасева делегатом XIX съезда партии. Ярко, насыщенная борьбой и творческими деланиями жизнь! О своих товарищах по работе и о себе Л. Лалетин рассказывает в брошюре, которую он озаглавил: «Трудиться — значит дерзать». Становление Лалетина-работого начинается в годы второй мировой войны. Ему, подростку, предлагают заменить ушедшего на фронт монтера электростанции села Волгалы, что недалеко от города Кирова. «Волгалы» на местном наречии в старину означало трудиться, биться над чем-нибудь. И говорят, село называется так потому, что жители его издавна славятся редкостью трудолюбия. Да и сегодня слава эта не потускнела: в Волгалдах семнадцать Героев Социалистического Труда, в том числе мать Лалетина. У автора брошюры отличная трудовая записка, принесшая ему успех с первых шагов сознательной жизни и породившая страстную, не боясь сказать, восторженную любовь к своей профессии.

Жизнь Лалетина протекает иначе, нежели у Карасева. Зимний дворец штурмовали, Володя Лалетин еще не было на свете; в Великой Отечественной войне тоже не пришлось ему участвовать, словом, никакой боевой романтики он не изведал. Но не почувствовал этого «изъяна» своей жизни, ибо он познал другую романтику — трудовую, отдав всем своим сердцем творчеству, до краев наполнявшему жизнь. У рационализатора заостряется наблюдательность к трудовым процессам, как слух музыканта к звукам. Лалетин становится искусным топарем, создает приспособления, ускоряющие обточку клапанов сложной конфигурации и других деталей, на коллегии министерства он делает доклад о своем опыте.

Автор повествует о работах других новаторов — Решетова, Леонова, Зайченко. На первый взгляд может показаться, что, написав брошюру, Лалетин хотел передать читателю опыт лучших производственников. Но суть же, он поставил перед собой более сложную задачу: он хочет зарыбить читателя своим чувством любви к профессии, пафосом творчества, радостями побед, одержанных у станка. В подтексте ясно заметна озабоченность автора делом трудового воспитания нашей молодежи. Нет, токарь говорит не о токарном ремесле, а рассказывает о молодых людях, которые, полюбив профессию токаря, фрезеровщика, слесаря, вышли на широкую дорогу жизни, стали уважаемыми представителями нашего славного рабочего класса. Он как бы ставит их в пример тем, кто автра должен прийти в цех, кто ищет пути-дороги в счастливое будущее.

Проблема приобщения молодежи к физическому труду волнует многих, она приобретает все более острый характер по мере развития народного просвещения. Всеобщее среднее образование непрерывно усиливает поток юношей и девушек в вузы. Перед ними распахнуты двери институтов, университетов, но туда может войти не больше людей, чем требуется стране.

Заводы и стройки ждут свежего пополнения, туда идет немало молодежи, побуждаемой чувством патриотического долга и стремлением овладеть профессиями. Труд, создавший человека, должен быть для всех людей органической потребностью. Мы не видим тунаежд и бездельников не только потому, что они не приносят обществу никакой пользы, но и потому, что отсутствие потребности трудиться, правдоподобное состояние человека противостоятельны. Сама мысль о человеческих руках без труда так же нелепа, как крылья птицы без воздуха.

Я говорю об общезвестных истинах потому, что, как ни странно, мы далеко не всегда умеем довести до сознания юношества простые истины средствами воспитания. У нас, в частности, досадно мало популярной и художественной литературы, пробуждающей у молодого читателя любовь и вкус к физическому труду, который — и это еще и еще раз показывает жизнь героев брошюры Лалетина — является одновременно трудом умственным.

Я прочитал пять брошюр Государственного издательства политической литературы. Оно начало выпускать серию брошюр на темы трудового воспитания. Нужно ли говорить, насколько важно это начинание, особенно сейчас, в условиях массового привлечения молодежи в ряды шестой пятилетки. Брошюры Л. Лалетина показывают неустанное стремление рабочих к будущему, а путь в будущее пролагается через новое, через рационализацию трудовых процессов, столкновение мнений, трудности творчества и через ту самую романтику борьбы, которая влечет к себе многих юношей. Названия глав брошюры — «Драгоценное чувство», «Это доступно каждому», «Твори, пробуй, держай» — являются призывами к читателю, подкрепленным в тексте убедительными примерами высоких результатов труда, доступных каждому честному человеку. Автор говорит о возвышенных чувствах творцов нового, хочет раскрыть почтительное в делах своих товарищей, но часто у него не хватает слов и он утрачивает ровность изложения. Нередко Лалетин общается с живого повествования на стат-

Враграм АПРЕСЯН

дарт, и здесь уместно адресовать упрек редактору тов. В. Суховееву, поработавшему над рукописью рабочего автора недостаточно тщательно.

Пять брошюр написаны по-разному, на разные темы, но они, как сказано выше, едины в своей цели. Достойна внимания работа В. Архипенко «Металл — наша сила». Архипенко подходит к читателю с другой стороны, нежели Лалетин: любовь к профессии он пропагандирует познавательным богатством материала и умел увлекательно подать его. «В 1800 году на каждого жителя земли приходилось добытого металла 600 граммов, а в настоящее время — в сто с лишним раз больше». Эта скупая справка отражает собой гигантский скачок промышленности и культуры всего мира за полтора века. Далее раскрывается роль металла в жизни общества. Металл нужен всюду. На каждого жителя планеты в постройках, средствах транспорта, машинах, в предметах быта заключена одна тонна чугуна и стали.

Ведется рассказ о качественных различиях металлов. Химики предвещают спрос на кислотоупорную сталь, конструкторы турбин — жаропрочную, строители — на нержавеющую, токари — на быстрорежущую. Для самолетов нужны детали с наименьшим весом и наибольшей прочностью, для котлов — сталь, выдерживающая огромное давление, для рессор вагонов — упругий материал, для тракторных гусениц — износоустойчивый, а для подшипников годится сталь только очень высокой прочности. Какая сложная гамма свойств стали! И как интересно проникнуть в тайны этих свойств!

Архипенко рассказывает о применении специальных сталей: без них немисляма современная жизнь. Он говорит о новых базах и резервах металлургии, о скоростных плавках и непрерывном разливе стали, о росте производительности труда доменщиков и сталеваров, о страшных потерях металла от коррозии и многом, многом другом, казалось бы, сугубо техническом. Однако это «техническое» оживает прежде всего под действием поразительно вообразившего фактов. Автор постепенно расширяет панораму всей металлургии нашей страны, открывает тайну за тайной, возбуждая любопытство читателя и заставляя его читать брошюру до последней строки с неослабевающим вниманием.

Много страниц посвящено профессиям металлургов, достижениям новаторов, их высокому героическому труду.

«Издавна крестьяне привыкли к презрению смотреть на человека, который способен бросить на землю кусок хлеба. Они слишком хорошо знали, каким тяжелым трудом добывается этот хлеб. Ну а разве металл легче добывается рабочему?» — спрашивает автор. Да, металл — это хлеб индустрии. Его надо беречь, расходуя экономно. Этот «хлеб» ищут геологи, добывают горняки, «выплавляют» металлурги у доменных и мартеновских печей, везут железнодорожники. Отчего бы молодому читателю не войти в славный ряд создателей металла? И мы не сомневаемся, что многие молодые люди ответят на этот вопрос положительно, ибо брошюра обладает достаточной силой убеждения и эмоционального воздействия.

В брошюре «Труд и машины» М. Васильева идет рассказ о машинах. Она как бы является продолжением брошюры Архипенко, и мы берем ее в руки, предвкушая еще более увлекательное чтение. Ведь теперь у металлов — это не мертвый сыток, а движущаяся, работающая, живая машина, которую встретишь на земле и под землей, в морях и над облаками. Но эти надежды читателя не оправдываются, глаза его равнодушно скользят по страницам. Правда, М. Васильев привел немало познавательных примеров, которые сами по себе интересны, но он ослабил их впечатляющую силу слишком упрощенным рассказом о взаимосвязи отраслей промышленности и о техническом прогрессе. Видимо, опасаясь, что разговор о сложных машинах будет малопонятен, автор подходит к теме через азбуку, одновременно загромаждая рассказ такими общезвестными сведениями о технике, которые, за редким исключением, не дают ничего нового читателю.

О людях науки и производства пишет В. Реут в брошюре «Творческое сотрудничество». Он дает краткий обзор крупнейших достижений новаторов: скоростного резания, комплексной механизации, использования атомной энергии и т. д. Настала пора отказаться от резания металлов при массовом производстве и обрабатывать их давлением. Реут говорит об этом бездельно, не раскрывая громадной революционизирующей роли новшества в процессах труда. Мы читаем о важнейших проблемах пятилетки, в ходе решения которых цементируется небылое в истории сотрудничество ученых и людей практики. Повествование же об этом идет с деловой точностью, но без желанной страсти.

Нередко встречаются живые места, например об учено-самоходе Мальцеве, культивирующем на опытных участках семь тысяч сортов пшеницы. Есть и критика слабого контакта ученых с рабочими, институтами, оторванными от объектов практики. Живые отрывки свидетельствуют об умениях автора писать, и жалко, что это умение использовано не в полной мере.

Наиболее прямое отношение к теме трудового воспитания имеет брошюра С. Гарбузова «О трудовой чести рабочего». С. Гарбузов начинает книгу в жанре рассказа. Молодой плотник Аверков заметил у подоконника строящегося дома гнилое бревно и, заволнованный, позвал десятника. Десятник отнесся к браку безразлично, больше того, рассердился: «не шуми!». Затем маляры покрасили дочерку, под которой было скрыто бревно, — надо поскорее сдать дом. «Сверху мило, а внутри гнило», — думает Аверков. Его мучает совесть, он не может мириться с бесчестным отношением десятника и других людей к труду. Он пишет против них гневное письмо в газету.

Об этом живой рассказ обрывается на четвертой странице текста, и дальше идет архидидacticalский разговор об отношении рабочих к труду у нас и в капиталистических странах. Пространные рассуждения автора то и дело сопровождаются ссылкой на случай с Аверковым, который больше не действует на читателя. Правда, приводятся и другие примеры сознательного от-

ношения к труду, но это уже не показ живой, волнующей картины, а справки о каких-то случаях, вставленных в слабый публицистический текст. Психологию рабочего Гарбузов представляет себе предельно упрощенно. Он, видимо, относится к темологическому отряду авторов брошюр, которым недостаёт чувства времени. В 1956 году они пишут так, как писали четверть века назад. В погоне за популярностью изложения они доходят до таких азов, что читатели выражают недовольство. «Уж не такие мы непонятливые, как думают о нас», — говорят рабочие. Культура советских людей, особенно молодежи, несслыханно выросла, и право же, нельзя забывать, что наши юноши и девушки изучали физику, химию, историю, литературу.

Некоторые авторы поступают наоборот, отделившись общими фразами и цифрами. Что дает, например, разговор о том, что машина за сутки выбрала столько-то тысяч кубометров земли или отштамповала за час столько-то сотен деталей? Почти ничего, если нет описания реальной картины труда. Непосежденный в специальном вопросе читатель очень относительно чувствует цифру. Его может одинаково удивить или не удивить и сотня и тысяча. Но достаточно хотя бы кратко описать, какими муками исканий добрался конструктор и рабочие от сотни до тысячи, — и цифры затрут сердце.

Авторы брошюр часто пишут ниже своих возможностей. Происходит это, как мне кажется, от того, что массовая политико-просветительная литература по странной традиции считается литературой, в которой важны лишь идеи и темы, но отнюдь не форма и исполнение. Пиши, как пишется, только бы в срок! Вследствие такого отчуждения известной части авторов от дел книжного рынка наводняется ремесленной сброшюрованной газетной продукцией, тшечто ожидающей сбыта.

Пора всерьез поговорить об этом массовом очерково-публицистическом жанре. Типографии ежегодно превращают целые поезда бумаги в брошюры. Тысячи названий, десятки миллионов экземпляров. Нужно ли говорить, что успех этих изданий, как и всяких других, зависит не только от умения и старания автора, но прежде всего от того, как он понимает свою задачу. О чем бы ни рассказывала брошюра — о технике, профессиях, опыте передовиков, — она прежде всего литература о людях, об их делах.

Л. Лалетин понял это хорошо, понял чутьем рабочего человека, и он стремится, чтобы молодые читатели тоже пережили его радость созидания. Отсюда одухотворенная непосредственность, убедительность рассказа, его светлые тона.

Люди, выбирающие профессию, должны узнать о ней многое еще до того, как переступят порог цеха. Поэтому в брошюре весьма важно показать процессы труда, показать человека, взаимодействующего с машиной, управляющего ею. В брошюре «Труд и машины» как раз этого и недостаёт. М. Васильев рассказывает о машинах в целом удовлетворительно, но там нет труда, а есть лишь упоминание о нем.

Может быть, и не стоило так подробно останавливаться на оценке брошюры, да спрос на них велик. Неприемимо возросли в наше время задачи трудового воспитания молодежи, вовлечения ее в производство. Сотни тысяч юных патриотов едут по зову партии в Сибирь, на Север, в районы целинных земель создавать новые индустриальные и хлебные базы, основать новые города и села, замещать новые очаги жизни. Еще большие массы людей вбирает в себя ежегодно наша социалистическая индустрия. Это люди, которые хотят раз навсегда выбрать себе профессию и овладеть ею. А профессий — бесчисленное множество. Вот почему трудовое воспитание — самое главное в работе с юношами и девушками, особенно с теми, кто, имея аттестат зрелости, не попал в институт. Неограниченную роль может играть в этом деле массовая, популярная литература, к слову сказать, литература, которую как-то не замечают писатели. Эта литература призвана не только агитировать молодых граждан за непосредственное участие в великом созидании нового мира, но и привить им любовь к труду, к профессии. Она призвана рассказать о великих традициях рабочего класса нашей страны, для которого труд и борьба за счастье человечества были всегда едины и для которого основой морали является честный, самоотверженный труд на благо Родины. А такое призвание литература может оправдать, независимо от жанра, лишь в том случае, когда она написана тоже с любовью, терпеливостью и талантом.

Здесь уместно сказать о жанре. Когда-то, еще в годы большевистского подполья, выработался жанр сжатой, боевой публицистики. В ней что ни строка, то для рабочего читателя — большое открытие. Печатное слово ленинцев огиало с глаз обманутого классом эксплуататоров пролетариен пелену, звал к борьбе. Жанр олимпийской, революционной публицистики был лучшим средством агитации и пропаганды.

Сейчас иные времена, и, как мне кажется, одной публицистичности, пусть даже отличной, боевой, в массовой агитационно-просветительской и воспитательной литературе ограничиться нельзя. Пора разнообразить литературные формы брошюр, найти новые средства выразительности, средства эмоционального, а не только логического воздействия на читателя. О красоте труда нужно писать красиво, чаще всего в жанре художественного очерка и рассказа. Непонятно, почему так редко именно эти формы мы встречаем в тонких книжках, именуемых брошюрами. Разве оттого, что они тоненькие, книжки не должны иметь художественные достоинства?

Разумеется, это не относится к брошюрам об опыте передовиков производства, снабженных пояснениями, чертежами. Они необходимы, но не о них здесь речь.

То же самое хочется сказать о графических достоинствах брошюр. Госплитиздат снабжает их обложки красочными рисунками, привлекающими взгляд. Это хорошо, однако из пяти рассмотренных брошюр лишь одна иллюстрирована. Брошюры следует печатать иллюстрировать, это усилит наглядность предмета изложения, его доходчивость.

Нужно приветствовать выпуск Госплитиздатом серии брошюр на темы труда. В целом начинание удачное, и хочется, чтобы авторы и редакторы будущих работ не только равнялись на лучшие из вышедших в свет брошюр, но и превзошли бы их яркостью, свободностью рассказа.



На берегу Днепра. Художник Запорожский пишет этюды. Фото А. Красовского

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„Адрес неизвестен“

Совещание в Министерстве торговли СССР, состоявшееся 15 августа, было посвящено обсуждению фильма «Моды сезона». Но так уж получилось, что многие выступавшие — работники торговли, кино, модельеры — говорили и о рецензии на этот фильм, опубликованной в «Литературной газете» 19 июля под заголовком «Адрес неизвестен». В ней фильм был подвергнут критике — за оторванность от потребностей жизни, за фальшь и лакировку. Поэтому редакция и считает себя вправе напечатать этот небольшой отчет под рубрикой «По следам выступления».

Начал обсуждение режиссер фильма И. Посельский. Это была, по существу, попытка уйти от критики. Правда, автор еще снискал с себя никаких обвинений и пытался оправдаться короткими сроками работы и полным незнанием темы, которую посягал своей фильмом. Но одновременно он и прибер и к нападению. Без доли иронии И. Посельский обвинил «Литературную газету», во-первых, в том, что она третировала город Сочи (если бы это был французский фильм о модах на фоне пейзажей Ниццы, это никого не поразило бы, а вот Сочи вызвали такую реакцию), а, во-вторых, — в недооценку материальных возможностей советских женщин, которые, по мнению тов. Посельского, очевидно, могут, не задумываясь, купить и велосипедный костюм за 1.124 рубля и вечернее парчовое платье с кушницей... О том же, почему в фильме не показана дешевая изысканная одежда для завода, улицы, театра, дома, режиссер не сказал ни слова.

Не ответила на этот вопрос и автор текста фильма тов. Ефремова. И она пыталась представить выступление газеты как «выпады» против женских туристских брэк. А вот женщины — те, что проляют одежду, и те, что ее носят, говорили другое. Например, заведующую магазином тов. Колоколникову фильм не удовлетворил именно потому, что в нем нет платья для «последней женщины».

— В фильме есть Сочи и пляж, — сказала она, — но вот как мне одеться на морской олузе, я так и не узнала. И даже те товарищи, которые декларировали несогласие с рецензией, сошлись на том, что модели в подобных фильмах должны быть прежде всего «жизненными».

Заместитель министра легкой промышленности СССР тов. Н. Миротворцев, приветствуя идею выпуска картин о модах сезона, очень точно охарактеризовал этот первый фильм, как «часть, по которой трудно составить представление о целом».

Предполагается создать серию картин, посвященных культуре одежды, искусство шить красивые дешевые платья. Хочется верить, что создатели их учтут мнение людей, для которых эти фильмы делаются.

Не мог пионер неожиданно прийти в редакцию «Литературной зорьки». Не мог и не мог. Его не пустил. Чтобы пройти туда, нужен пропуск. А пропуск не получить, если его раньше не заказал.

Нелегко пройти в Главное управление радиодиффузии, не так просто пройти и во многие другие учреждения. Тут и там слышишь требование: «Предъявите пропуск!». Если вы его не слышите, — вы его видите: к вам обращаются плакаты. Одни требуют просто предъявить пропуск, другие велют предъявить его «в раскрытом виде». Авторы таких плакатов явно стремятся снять с людей охраняющих вход, бремя тяжелого труда — говорить с посетителем, раскрывать его пропуск.

Да, сильно усложнилась система пропуска с тех пор, как она появилась! Когда-то она оберегала армию от проникновения рабочих лазутчиков. В те идеальные времена пропуском в военный лагерь служили два простых слова, скажем: «Курок — Курск». Теперь же, сколько раз ни говори «Курок», тебя даже в Министерство культуры СССР не пропустят. А ведь там никакого военного лагеря нет.

Министерство культуры входит в число тех организаций, где пропускная система отличается большим богатством форм. В одном управлении о вашем приходе должен быть заранее извещен вахтер. В другом и того. Как, к примеру, вход в Главное управление театров и музыкальных учреждений свободен во все часы дня. Зато Главное управление по производству фильмов охраняется усиленно. Чтобы пройти в это учреждение, надо не только заранее заказать пропуск, туда и входить-то можно только после часу дня. Правда, в остальном вход обставлен довольно мирно: на страже — добродушный вахтер, спокойно дремлющий большую часть рабочего дня.

Но еще больший разброд можно наблюдать, если сравнить между собой разные министерства. Тут прямо, что ни город, то норы. В одном — для выдачи пропусков отведен целый зал, а в другом, как, например, в Министерстве путей сообщения, но по-

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ВОЛЬНОЕ» ОБРАЩЕНИЕ С МАЯКОВСКИМ

Бак многие читатели, я люблю поэзию Маяковского, и меня возмущает то «вольное» обращение с произведениями великого поэта, которое наблюдается в издательской практике.

Маяковский — поэт. А в стихах, как говорится, каждое слово в строку писано. Достаточно выбросить одно слово, чтобы исказить смысл, нарушить размер и музыку стиха.

Особенно старательно, например, работал редакторский карандаш при переиздании поэмы «Хорошо!». Целые четверостишия были выкинуты вон из-за перестроенных образов.

Странные манипуляции предельвались с именем тов. Антонова-Овсеенко. То оно исчезало, то снова появлялось в строках:

А в Смольном,
в думах,
Ильч
граммированный
да перед картой
втыкают
в места атак

Антонов с Подвойским
метет шажки,
в битве и в войске,
декрет железный выковал...

В другом случае редакторы последних изданий поэмы были непреклонны: «Исключить!». И исключалось целое четверостишие:

И один
из ворвавшихся,
объявил,
— Я,
Временное

пенсиншки трону,
как об очень простом
и несложном:
председатель реввоенсовета
Антонов,
правительство
объявляю изложенным...

Здесь нет даже элементарной логики: почему в первом случае время от времени имя тов. Антонова-Овсеенко восстанавливалось, а во втором нет? Вряд ли сможет дать ясный ответ на этот вопрос редактор, готовящий тексты стихотворений Маяковского для малой серии «Библиотеки поэта» издания 1955 года.

Из XVIII главы поэмы «Хорошо!» изъяты строки, посвященные тов. Красну:

Читаю угрюмо:
«Товарищ Красня»
и вижу —
Париж
и Красня
едет,
сквозь радость рабочих,
шумную моревь.

Но бывает и хуже, когда сокращения приводят к абсурду.

Откроем I том избранных произведений Маяковского, выпущенный Гослитиздатом в 1953 году. Перед нами стихотворение «Канцелярские приемычки». Зато издается поэт над теми, кто «уве-

Повесть по мотивам кашмирской легенды

ТАШКЕНТ. (Наш корр.). Индия известна своими легендами, в которых прославляется мужество в борьбе народа за счастье и процветание своей страны, дружба, любовь, верность. Одна из них — о пчеле и нарицессе, созданная много веков назад в Кашмире, живет и поныне. Узбекский писатель Шараф Рашидов, дважды побывав в Индии, написал по мотивам этой легенды повесть «Кашмирские песни».

ФЕЛЬЕТОН Размышления у подъезда

В репродукторе что-то шелкнуло, и дикторы начали передавать «Литературную зорьку». — К нам в редакцию неожиданно пришел пионер... так началась эта передача. Она была интересна задумана и хорошо прочитана. Исполнители очень натурально удерживали и вовремя перебивали друг друга. Но все было напрасно. Повернуть тому, что они говорили, нельзя. Рассказ испорчен из самого начала.

Не мог пионер неожиданно прийти в редакцию «Литературной зорьки». Не мог и не мог. Его не пустил. Чтобы пройти туда, нужен пропуск. А пропуск не получить, если его раньше не заказал.

Нелегко пройти в Главное управление радиодиффузии, не так просто пройти и во многие другие учреждения. Тут и там слышишь требование: «Предъявите пропуск!». Если вы его не слышите, — вы его видите: к вам обращаются плакаты. Одни требуют просто предъявить пропуск, другие велют предъявить его «в раскрытом виде».

Авторы таких плакатов явно стремятся снять с людей охраняющих вход, бремя тяжелого труда — говорить с посетителем, раскрывать его пропуск.

Да, сильно усложнилась система пропуска с тех пор, как она появилась! Когда-то она оберегала армию от проникновения рабочих лазутчиков. В те идеальные времена пропуском в военный лагерь служили два простых слова, скажем: «Курок — Курск». Теперь же, сколько раз ни говори «Курок», тебя даже в Министерство культуры СССР не пропустят. А ведь там никакого военного лагеря нет.

Министерство культуры входит в число тех организаций, где пропускная система отличается большим богатством форм. В одном управлении о вашем приходе должен быть заранее извещен вахтер. В другом и того. Как, к примеру, вход в Главное управление театров и музыкальных учреждений свободен во все часы дня. Зато Главное управление по производству фильмов охраняется усиленно. Чтобы пройти в это учреждение, надо не только заранее заказать пропуск, туда и входить-то можно только после часу дня. Правда, в остальном вход обставлен довольно мирно: на страже — добродушный вахтер, спокойно дремлющий большую часть рабочего дня.

Но еще больший разброд можно наблюдать, если сравнить между собой разные министерства. Тут прямо, что ни город, то норы. В одном — для выдачи пропусков отведен целый зал, а в другом, как, например, в Министерстве путей сообщения, но по-

ковечивает» себя подписями на деревьях, стегах, скалах.

Он пишет:

Эх!
я б
к весне
декрет железный выковал:
«По фамилиям
на стволках и скалах
узнав
подписавшихся малых...»

Вчитаемся внимательно в эти строки. Где рифма к слову «выковал»? Что мешает поэту действительно «выковать» предлагаемый им декрет? Почему составлено междометие «эх», выражающее сожаление?

Откроем одноименный произведений Маяковского, изданный в 1941 году. Здесь новый «вариант» тех же строк:

Эх!
Поставь меня
часок
на место,
я б
к весне
декрет железный выковал...

Посмотрим лучше издание, которое редактировал сам автор. В V томе собрания сочинений Маяковского, вышедшем в 1927 году, читаем:

Эх!
Поставь меня
часок
на место Рыкова,
я б
к весне
декрет железный выковал...

Теперь ясно, что Маяковский высказывает шутливое пожелание временно оказаться на месте тогдашнего председателя Совнаркома СССР (как известно, впоследствии — одного из лидеров правой оппозиции).

Число примеров подобного «редактирования» стихов Маяковского можно увеличить. С таким «редактированием» нужно покончить, и сделать это немедленно. Тем более, что в излагаемом сейчас Институте мировой литературы имени Горького полном собрании сочинений Маяковского уже проведены сокращения в поэме «150 000 000».

В произведениях Маяковского есть отдельные ошибочные или односторонние оценки некоторых исторических деятелей. Это понятно: поэт, чья жизнь оборвалась в 1930 году, не мог знать того, что знаем мы сегодня. Как же поступать с подобными оценками? Нужно ли прибегать к помощи ножниц? Нет, это путь неверный: из песни слова не выбросишь. Следует поступить по-иному: снабдить такие произведения Маяковского необходимыми примечаниями и комментариями.

Читатели ждут, и они должны прийти. Читатели ждут, и они должны прийти. Читатели ждут, и они должны прийти. Читатели ждут, и они должны прийти. Читатели ждут, и они должны прийти.

В. ФЕДОРОВ,
инженер
МОСКВА

СИЛА БРАТСТВА

В ОДНОМ из своих лучших произведений «Твой поэт» Семел Кирсанов говорил, что он мечтает «пробрести к чистому лучу поэзии своим трудом». Путь поэта был нелегким. С. Кирсанов отдал в своем творчестве известную дань предсудовой «игре слов», в которой, впрочем, проявлялось и ощущение звукового и интонационного богатства родной речи. Встречались у поэта и произведения сужо-декларативные, риторические. Но главная линия творчества С. Кирсанова проходила не здесь. Подлинная удача ожидала поэта, когда проявлялась лирическая природа его дарования.

С. Кирсанов создал произведения разнообразного плана. Его поэзия становилась все более доступной широкому кругу читателей — и по своей проблематике и по художественным приемам. Чувство нового — и в активном утверждении советской жизни и в стремлении к непрестанному обновлению художественных средств, в том числе собственных, уже установившихся поэтических приемов, — характерная черта С. Кирсанова, связанная с его творческой учебой у Маяковского.

Новый цикл стихов С. Кирсанова «Альпы — Венеция» отмечен характерными чертами дарования поэта — демократическое устремленность и лиричность. Цикл написан, на первый взгляд, традиционным стихом, если иметь в виду его метрическую строй. Однако словарь, образность, интонация обнаруживают новаторскую основу творчества поэта. Вспомним, как сумел С. Кирсанов обновить и звучание такой старинной, в известной степени скляванной формы стиха, как сонет.

Итальянский цикл С. Кирсанова интересен как образец политической лирики. За последние время у некоторых поэтов намечается отход от больших политических тем времени. Иные поэты забыли о высоких традициях нашей поэзии, которая умела говорить на гражданские темы подлинно лирично, горячо, страстно. Цикл С. Кирсанова — одна из попыток лирического разрешения большой гражданской темы — темы интернационального единства трудящихся, утверждения дорогих нам идеалов братства всех людей труда на земле.

Италия вдохновляла многих русских писателей. Широкую яркость итальянской природы, богатое и древнее искусство этой страны, обаяние ее прекрасной своей работой и страстностью народа много раз описаны и восхвалены. В итальянской теме было немало романтики и экзотики. Горький своими «Сказками об Италии», пожалуй, впервые обратил внимание на высокую нравственную красоту простых людей этой страны: сильных своей настойчивостью в покорении природы и братской солидарностью, своей способностью не терять жизнерадостность и бодрость духа при любых обстоятельствах жизни. От этих традиций идет и С. Кирсанов. Ведь ему

С. Кирсанов. «Альпы — Венеция». Журнал «Октябрь», 1956, № 5.

Это интересно, прочтите!

Первое номера журнала «Юность» выдвинула справедливую критику. Это происходило потому, что редакция только нашла путь к своему читателю, журнал, как говорят, обрел «свое лицо». Исполняя годичный обзор журнала, и вот, открывая восьмой номер «Юности», с удивлением отмечаешь разнообразие тематики и настоящие успехи журнала.

Старый коммунист Н. Милотин рассказывает о своей работе с Владимиром Ильичем Лениным в 1918—1920 годах. В этих воспоминаниях раскрываются чудесные черты характера нашего великого учителя, его внимание к людям, даже к тем, кто из-за доверчивости совершил ошибку. Об особой «человеческой человечности» Ленина сдержанно и тепло рассказывает автор воспоминаний.

Мы узнаем из журнала о неизвестных рисунках И. Левитана, о том, какой тяжелой была в молодые годы жизнь замечательного художника, когда ему приходилось из-за кусочка хлеба работать в иллюстрированном еженедельнике «Москва».

Жак Ив Кусто и Фредерик Дюма повествуют увлекательно и не без юмора о жизни подводных глубин, о мужестве людей, которые опускаются на глубину 50 сажен с «кавалероном», легким аппаратом для дыхания, и это дает плохую больше возможностей наблюдать жизнь обитателей глубин, чем водолазам. В очерках говорится и об опыте Никара с «Батискафом».

Разнообразие материалов в журнале сказывается и в материальном рассказе о проекте создания спутника Земли — целого города с двадцатью тысячами жителей, странствующего в межпланетном пространстве. Хорошо, что читатель тут же узнает о том, насколько реален такой проект.

В. Сухарев, которого читатель знает как критика, работающего в области искусства, и автора пьес, рассказывает об искусстве повара не как потребителю, а как человеку, которому приходится работать в качестве повара «второй руки». Он рассказывает много любопытного об этой профессии и о том, почему почетно и «хорошо быть поваром», разумеется, хорошим. Наконец, разве не интересно читателю узнать о новой экспедиции Тура Хейердала, которого многие знают по знаменитому путешествию на плоту «Кон-Тики» через океан.

Если говорить о художественной прозе, несомненно, интересной, но не всегда отвечающей высоким требованиям, то эти рассказы журнала все же оставляют желать лучшего. Впрочем, и «толстые» журналы не часто радуют своих читателей отличной беллетристикой. Одно можно сказать — эти рассказы в «Юности» читатель прочтет не без интереса.

Лев НИКУЛИН

Навстречу Дню поэзии

На днях под председательством Л. Ошанина состоялось совещание бюро московской секции поэтов, посвященное предстоящему в сентябре Дню поэзии.

В обсуждении вопросов подготовки к Дню поэзии приняли участие П. Антокольский, С. Кирсанов, М. Максимова, Л. Мартынов, М. Матусовский, С. Нароватов и другие поэты, представители студенческой молодежи, кингаторгов организации, редакций газет и журналов.

Много интересных предложений было высказано на этом совещании. Новые стихи и рецензии на поэтические сборники будут публиковаться в московской печати. Бюро секции намерено провести несколько выступлений поэтов по радио, организовать накануне Дня поэзии передачу специальной программы по телевидению.

Как уже сообщалось в «Литературной газете», издательство «Московский рабочий» выпускает большой сборник «День поэзии», в котором участвуют 140 авторов. В сборнике — стихи, публикации литературного наследия, статьи о поэзии, юмор и сатира. В книжных магазинах заранее будут подготовлены выставки поэтических книг.

Большой интерес вызвало предложение С. Кирсанова о том, чтобы завершить праздник поэзии вечером одного стихотворения у памятника А. С. Пушкину. Это будет символизировать связь советской поэзии с ее великими традициями.

В помощь бюро секции поэтов на совещании создана бригада по подготовке к Дню поэзии.

В ВЕНГРИИ есть народный обряд: если девушка отдала парню свой платок, значит, она согласна выйти за него замуж. Этот поэтический обряд стал основой венгерского балета «Платочек», в котором широко используются народные песни, пляски и танцы. Их неповторимое своеобразие придает балету и самобытность и обаяние.

Валет «Платочек» (либретто В. Лани, Г. Олах и Д. Харангозо) почти весь, включая такие формы балетного спектакля, как адажио, построен на характерном танце. В музыкальном ансамбле звучат чудесные народные мелодии, преобладают упругие, стремительные ритмы венгерских плясок, живет поэтическая и сильная, чистая и воляющая душа народа. И это хорошо почувствовал венгерский хореограф Д. Харангозо, создавший зрелище, подкупаящее лиризмом и красотой.

«Платочек» стал значительным событием для венгерской хореографии, это, по сути дела, первый национальный реалистический венгерский балет. Самобытность, яркий национальный колорит «Платочка» бережно сохранены Саратовский государственный театр оперы и балета, впервые в стране осуществивший его постановку.

В том, о какой точности и темпераменте передается оркестр (дирижер В. Широков) тональные оттенки музыки балета, в тщательности и красочности оформления (художник Е. Шуйский), в горячем увлечении солистов и артистов ансамбля, блестяще сыгранности словесных, ритмических и танцевальных танцев, видна большая работа любовно продуманная театром. Но, конечно, в успехе спектакля прежде всего

НА ЭКРАНЕ — ЕГИПЕТСКИЙ ФИЛЬМ

Весной на экранах кинотеатров появились фильмы, посвященные истории египетского фильма «Борьба в долине». Это было первое знакомство с египетской кинематографией, с современным искусством страны древней и своеобразной культуры. Фильм «Борьба в долине» прошел с успехом — советские зрители не могли привлечь рассказ о простых людях Египта, мужественных и чистых тружениках.

И вот вторая встреча с кинематографом Египта — продолжение нашего знакомства с жизнью его народа, с характером, народными обычаями. На экране вышел новый художественный египетский фильм «Встреча со счастьем». Фильм этот отличен от предыдущей картины, ибо в нем нет острот социальных мотивов, решительных столкновений, противоборствующих социальных сил; авторы показывают драматическую судьбу простой девушки, ее трудный, тернистый путь к счастью. Но так же, как и в первой картине, увиденной советскими зрителями, в фильме «Встреча со счастьем» ясно звучит благородная, гуманистическая тема, утверждающая красоту и нравственность человеческих отношений.

Эта тема живет в игре исполнительницы главной роли Эсхан — молодой актрисы Фатимы Хамма. Преданность своему большому чувству, достоинство и независимость Эсхан привлекают зрителей. Они видят, как ринется светлая, радужная мечта героини, обманувшейся в своей любви к доктору Мамдуку (в этой роли выступает известный египетский актер Амад Хамди), столкнувшейся с еще действующими жестокими законами прошлого, которые требуют, чтобы позор



Кадр из фильма. Актриса Фатима Хамма в роли Эсхан

Стихия национального танца

просто деревенского парня Мишки. Важное место занимают в спектакле массовые танцы. В их исполнении артисты ансамбля проявили четкость, завидную дисциплину. Особенно радует то, что в сложном ритмическом узоре исполнители не утратили настоящего понимания духа и смысла народной пляски.

Во многом оригинальное и неожиданное соединение приемов классического танца с элементами народных венгерских и цыганских плясок позволило талантливым артистам В. Дубровиной и Л. Федорчуку раскрыть свои незаурядные возможности. С такой легкостью они, например, преодолевают очень большие трудности партий Шари и цыганского парня Юши, в которые Д. Харангозо ввел, пожалуй, наиболее оригинальные танцевальные приемы, создающие сложный, причудливый рисунок.

Вообще надо сказать, что Д. Харангозо, проявивший замечательное знание национальных танцев и помнявший пример их подлинного творческого использования, прибегая к приемам классического танца, трактует их несколько усложненно, что порой приводит к потере неуловимой, естественности танцевального языка.

Саратовский театр подает хороший пример. Наши оперный, балетный коллектив следует чаще обращаться к творчеству композиторов стран народной демократии. Показанный в Москве спектакль «Платочек» явился не только ярким, радостным событием в театральной жизни столицы, но и свидетельством искренней дружбы венгерского и советского народов.

Капля

— Быть каплей в море — что за честь? Что проку мне в морском просторе? Меня никто не ценит здесь, Пускалься я — лишь капля в море.

Пускай другие там живут, А я в пустыне по барханам, Сверкая, словно шаурма, Сама раскинувшись океаном.

Кому не дорог свой заряд, Кто ценит лишь себя высоко, Как эта капля, пропадающая, Забытый, жалкий, одинокий. Перевел с туркменского Д. СЕДЫХ

Иван Франко — певец дружбы народов

Павло ТЫЧИНА

Высокое место занимает наше Советское государство в мире! Ибо на несметанную высоту подняты свобода, сознание, вся жизнь его народных масс. Велика и непобедима сила советского народа! Ибо его воспитывала и воспитывает самая мудрая, самая народная, самая могучая в мире Коммунистическая партия, партия марксизма-ленинизма.

Совокупность Социалистических Республик навеки скреплен нерушимой братской дружбой свободных равноправных народов. Дружба между народами — наше величайшее завоевание. Мы знаем, что пока эта дружба живет и крепнет, народы нашей страны будут свободными и непобедимыми и никакие испытания им не страшны. Под благотворным влиянием этой дружбы полны и ярким цветом расцветают и развиваются Советская Украина — украинцы пользуются всеми благами социализма, всеми богатствами, ставшими собственностью народа.

А что может быть радостней, чем говорить о дружбе двух народов — украинского и русского! Что может быть радостней, чем подчеркнуть многовековые традиции этой могучей, истинно братской дружбы! Наши два народа — это два родных братья, одной матери дети. Они близкие и родные не только по языку, месту проживания и национальному характеру. Их сражила сама история. Нет у украинского народа более высокой и более святой национальной традиции, чем дружба с русским народом. Эта традиция отразилась в «думках» украинцев, в исторических и бытовых песнях. Эту традицию воспевали и воспевали наши народные певцы и поэты. Эта традиция художниками перенесена уже на большие полотна, композиторами — на оперную сцену. Эту традицию чтит весь наш народ украинский, советский. Поэтому-то и не является эта традиция — национальной святыней нашего народа — буржуазным националистам. Поэтому-то и злобуют они где-то далеко за рубежами Украины.

Непримиримо боролись с националистами все лучшие умы украинского и русского народов, все прогрессивные деятели культуры прошлого. Великие русские революционеры-демократы — Веллинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов — всегда подчеркивали разницу между русским патризом — угнетателем и русским народом — другом других наций. Лучшие сыны народа украинского — Тарас Шевченко, Панас Мирный, Леся Украинка, Иван Франко, Павло Грабовский, Михайло Коцюбинский, Василь Стефаник — всю свою жизнь стояли на страже дружбы народа украинского с народом русским. Они гневным словом своим, словом ненависти и презрения боролись против украинских буржуазных националистов.

Националисты не раз пытались побороться с украинским классическим наследием. Забыли о простейшей человеческой совести, набранные халхальства, националисты, например, объявили Шевченко «своим», и, чтоб «доказать» это, они не стеснялись ножицами обрезать часть произведения великого Кобзаря, клевет на одноумно прилеплять другие, уродовать их, уродовать без конца. Но наши советские ученые никогда не прощают украинским буржуазным националистам фальсификацию и подделку, беспощадно их разоблачают. Мы твердо и сурово говорим: Не смеяте оквернять наше наследие! Не смеяте оквернять светлую память передовых деятелей культуры прошлого!

Много зла принесли украинские националисты, сев свой зловерный туман среди населения Западной Украины, которая была отсталой колонией царской Австро-Венгрии, а потом панской Польши. Что этим злодеям нужно было? Они хотели отвлечь внимание трудящихся от борьбы за свое социальное освобождение, за воссоединение с Восточной Украиной. Но не вышло! Они прощались. А после воссоединения 1939 года население западных областей Украины на собственном опыте убедились, какая это могучая сила — дружба народов!

Надругательству и издевательствам неоднократно подвергалось и наследие великого Каменаря — Ивана Франко. Украинские буржуазные националисты в своих подлых целях всячески переделывали и извращали произведения Ивана Франко. Это делали они сознательно: где только можно — в публикациях, в исследованиях, в сообщениях — везде они на свой манер Ивана Франко подстригали. А все это делали они для того, чтобы ослабить влияние Ивана Франко на трудящихся, чтобы притупить острое оружие его, направленного против неправды, темноты и

Вичный революционер Дух, наука, воля, духа Не уступит пшты поля...

Да! Никогда он не уступал в борьбе с врагами! Никогда боевая рука его не переставала подниматься в ответ на угрозы вражеской реакции, на проклятия маркотов Ватикана! Никогда гневный голос его не переставал обвинять и разоблачать украинских буржуазных националистов! Во всех случаях, когда художественная тонкая работа — всякие политиканы, снобы, мелкота и декаденты, словно козынки, лезали у Ивана Франко и хотели его свалить, он безгладно стрихвал с себя всю эту гадость, в произведениях своих смеялся над ними страшно — убийственным, сатирическим смехом смеялся...

Откуда же Иван Франко брал такую силу? Где черпал мужество? Что именно все время оживляло его в борьбе и поддержке?

Еще юншей Иван Франко познакомился с трудами Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Он перевел на украинский язык 24-ю главу из 1-го тома «Капитала», а

ВОКРУГ ЛОНДОНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Конференция по вопросу о Суэцком канале открылась 16 августа в атмосфере возросших надежд.

Те, кто предсказывал резкие стычки и тушки по процедурным вопросам, обманулись в своих ожиданиях. Эти вопросы были разрешены настолько быстро, что у ряда делегатов оказались неготовыми тексты их речей, которые они намеревались составить в ходе прений по вопросам процедуры. Для атмосферы, в которой открылась конференция, характерны сообщения газет о беседе Шепилова и Даллеса. Американские журналисты рассказывали, что на Даллесе «произвело благоприятное впечатление... прямое, открытое и всеобщее» изложение Шепилова своих взглядов без замалчивания трудностей.

Но правда ли, какой разительный контраст с прежними международными соглашениями, когда американская сторона заранее провозгласила невозможность добиться чего-либо путного!

Большинство прибывших на конференцию делегаций стран Азии и Африки заявили, что они не будут считать себя связанными никаким решением, которое нарушало бы суверенитет Египта, а

также не окажут поддержки попыткам оказать давление на Египет военной силой. Они стремятся к мирному решению вопроса, которое гарантировало бы права Египта, в то же время сохраняя свободу судоходства по каналу.

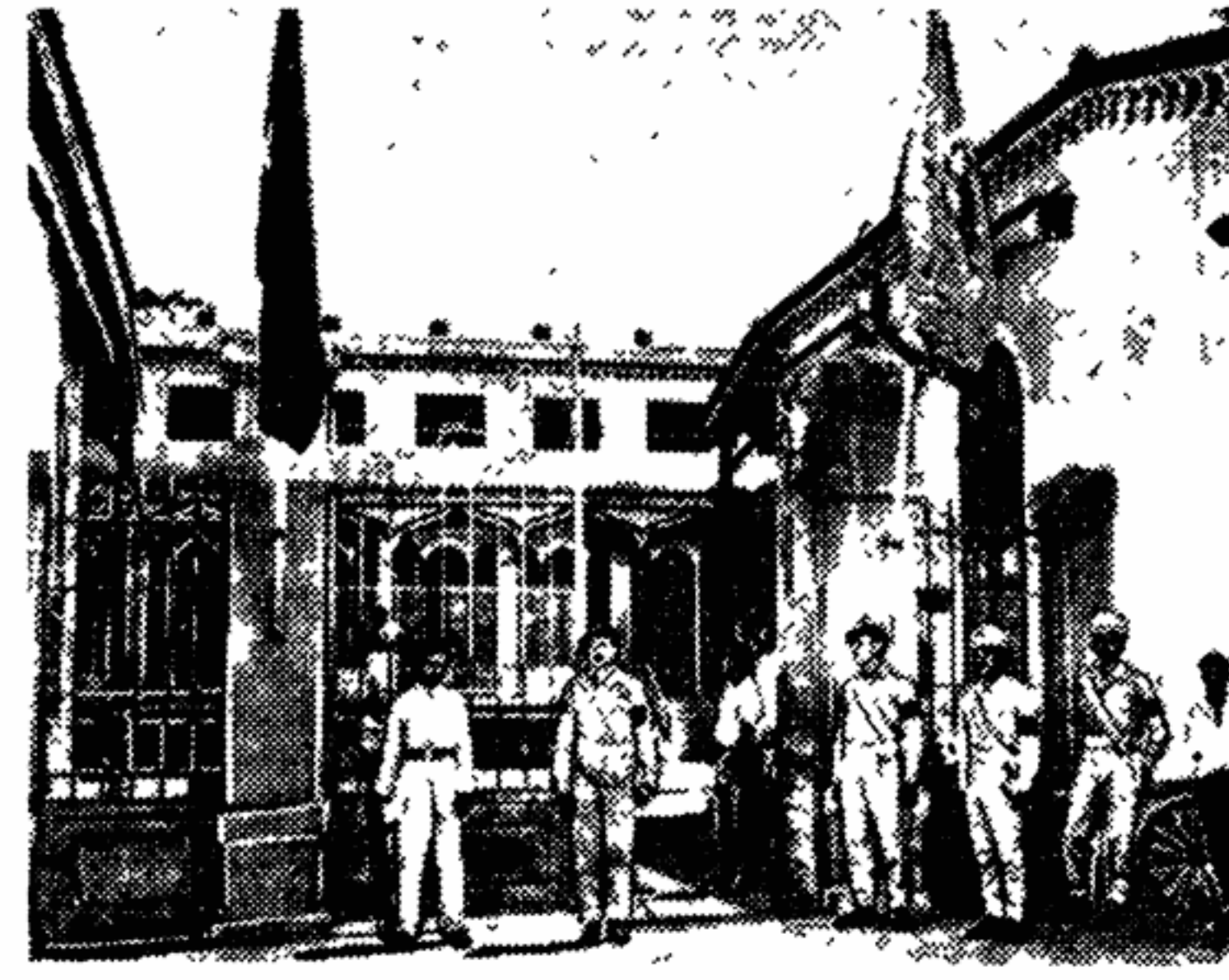
Позиция Советского Союза была ясно сформулирована Шепиловым в его выступлениях на Лондонском аэродроме. Советский Союз, сказал он, хочет достичь правильного сочетания как национальных интересов независимого, суверенного Египта, так и справедливых интересов других стран, пользующихся Суэцким каналом. Это заявление было встречено в Лондоне с большим интересом. В нем усмотрели искреннее стремление к мирному решению суэцкого вопроса.

Англичане любят то, что они называют «честной игрой». Кроме того, они всегда склонны к компромиссам. Вот почему проводила сейчас правительство политика воинственных угроз становится все более непопулярной, несмотря на попытки оправдать ее в глазах народа. Может быть, именно поэтому группа прохажив, наблюдавшая прибытие делегатов в Форин офис (министерство иностранных дел), встретила Шепилова

аллодисмент а м. Они кричали Шепилова: «Частный путь», когда он проезжал мимо парка Сен-Джеймс, залитого солнечным светом.

Здание Ланкастер Хауз, где происходит конференция, во время войны было разрушено бомбой. Но теперь уже следов разрушений не видно. Это хорошо, хотя, с другой стороны, они бы напомнили делегатам об ужасной угрозе любого нового военного конфликта. Люди, собравшиеся у здания Ланкастер Хауз, чтобы встретить делегатов, отчетливо сознавали всю важность этой конференции.

После выбора председателем конференции Селвина Ллойда с заявлением



После национализации компании Суэцкого канала, Египетская военная полиция охраняет здание компании в Исламнии. Снимок из английского журнала «Иллюстриейд Лондон Ньюс»

выступил Шепилов, кратко изложивший советскую позицию.

Подвергнув критике методы подготовки конференции, Шепилов заявил, что Советский Союз рассматривает это совещание как первый шаг по пути переговоров. Он подчеркнул свое стремление сделать все возможное, чтобы облегчить работу конференции. Шепилов заметил, что делегаты должны сконцентрировать свои усилия на поисках согласованных путей в урегулированию суэцкого вопроса.

— Надо сделать все возможное, — сказал он, — чтобы нынешняя встреча представителей государств привела к согласованному мнению по вопросу о подготовке международной конференции или какой-либо другой международной процедуре для рассмотрения вопроса о свободе плавания по Суэцкому каналу на основе уважения суверенных прав Египта.

— Настоящая конференция, — заявил он, — имеет ограниченные задачи. Она несет, так сказать, предварительный характер. Она недостаточно представительна и была созвана без предварительной консультации с Египтом. Она была созвана в ненормальной обстановке экономических санкций и угрозы применения силы.

Шепилов подчеркнул, что обмен мнениями и консультации должны помочь найти такой подход к урегулированию вопроса, который приемлем как для Египта, так и для других заинтересованных государств.

В большой речи, произнесенной на конференции сегодня, 17 августа, министр иностранных дел Д. Шепилов подробно изложил советскую точку зрения по вопросу о Суэцком канале и выдвинул конкретные предложения.

Как известно, Египет не принимает участия в конференции, но 16 августа вечером в Лондон прилетел майор авиации Али Сабри — главный политический советник Насера. На конференции он будет не участником, а наблюдателем. Огромная толпа репортеров и фотографов пришла в Лондонский аэропорт встретить Али Сабри и бурно запылали его вопросы.

— Готов ли Египет пойти на компромисс? — спросил один из корреспондентов.

— Это зависит от того, что вы имеете в виду под компромиссом, — ответил Сабри и добавил: — Не может быть никакого компромисса, который ущемляет независимость и суверенитет Египта. Мы настаиваем на том, что мы должны иметь исключительное право контроля над каналом. Если будет применена сила, — мы будем защищаться.

Коснувшись Лондонской конференции, он сказал: «Полюк Насер предложил более разумную конференцию. Мы не можем проводить дискриминацию в отношении стран».

Итак, суть вопроса в следующем: будет ли канал контролироваться Египтом или контроль будет внят из рук Египта и передан международному органу — предложению, неоднократно отвергнутому полковником Насером. Вокруг этих двух вариантов и развернется, видимо, полемика на конференции.

Международная почта

ВЕДЬ ТОРГОВЛЯ — НЕ БАТАЛИЯ!

НАМ «бросают вызов», нужно отразить наступление красных», я убежден, что атака будет отбита... Что это? Из какой военной реплики заимствованы эти выражения? Как ни странно, перед нами вовсе не донесения с поля боя, а выдержки из интервью помощника министра торговли США Гарольда Маклеллана корреспонденту американского журнала «Нейшнл Бизнес».

Торговля между народами — дело полезное, глубоко мирное и необходимое, как необходимо кровообращение в человеческом организме. Тем не менее г-н Маклеллан, отметив, что Советский Союз стремится к расширению мировой торговли, почему-то усмотрел в этом «новую фазу колониальной войны» и атаку, которую нужно отбить... Советско-американские торговые отношения — важная, большая тема. Об этом государствам есть что продать и что купить друг у друга с взаимной выгодой. К сожалению, однако, торговля между ними напоминает скудный ручеек. На словах г-н Маклеллан стоит за то, чтобы этот ручеек превратился в полноценный поток. «Если русские торгуют с нами», — говорит он, — мы в свою очередь будем торговать с ними». За чем же дело стало? Оказывается, существует помеха — «советский железный занавес». Вот если, мол, «железный занавес» будет сорван в один прекрасный день», заявляет Маклеллан, тогда торговля между двумя странами закипит.

До известной степени он прав: железный занавес, с грохотом и лягом перекрывший русло нормальной международной торговли, действительно существует. Но только занавес этот не советского происхождения. На нем стоит четкое клеймо: «Сделано в США». Незаметно для самого себя г-н Маклеллан это признает. «Прежде всего нас очень беспокоит», — сообщает он, — возможное ухудшение системы контроля над стратегическими материалами, которые могут проникнуть в СССР и страны народной демократии. Вот он где, занавес! Ведь всему миру известно, что учрежденный американскими властями список «стратегических товаров», запрещенных для продажи странам социалистического лагеря, включает под вылом «стратегических» чуть ли не все мыслимые товары!

Если бы г-н Маклеллан и его коллег в самом деле беспокоило развитие торговых связей между государствами, они прежде всего окунули бы критическим взглядом свои списки, а заодно перестали бы рассматривать торговлю, как ожесточенную баталию с вражеским войском.



Молодежь западногерманского города Франкфурта-на-Майне протестует против создания нового вермахта. Надпись на этом автомобиле гласит: «Не учись убивать и разрушать. Стройте!» Снимок из чехословацкой газеты «Прага»

ГРОМЫ ПОБОРНИКОВ «ДУХОВНОЙ СВОБОДЫ»

СТУДЕНЧЕСКИЙ парламент в западногерманском городе Киле обратился к сенату Кильского университета с предложением возобновить изучение марксизма-ленинизма. Представители студентов рекомендовали ввести экзамены по этой дисциплине на всех факультетах. Таким образом, они присоединились к голосам, раздававшимся на студенческом съезде в Гамбурге в мае нынешнего года.

Такие настроения студенческой молодежи вызвало перелом в буржуазной печати. Поборники «духовной свободы» немедленно обрушили громы и молнии на головы студентов, едва последние сделали попытку освободиться от монополии буржуазной идеологии.

Поучая студентов, что есть академическая свобода, газета «Гамбургер анейгер» лицемерно пишет: «Ничего нельзя иметь против контакта с наукой и учеными... Но то, что затеяли кильские студенты, не имеет ничего общего ни с этим, ни с академической свободой. Это опасно злоупотребили на службе коммунизму».

Но громы эти свидетельствуют лишь об одном: о великой притягательной силе идей марксизма-ленинизма. Не случайно в Западной Германии недавно была проведена телевизионная передача на тему «Устарел ли марксизм?». Несмотря на различные высказывания точек зрения, участники передачи — западногерманские философы и социологи — признали, что идеи марксизма обладают огромной жизненной силой. Профессор теологии Нельс-Брейнинг в большой или меньшей степени выразил общее мнение, сказав:

— Толчок, который дал Маркс, не только не утратил своей силы, но, напротив, развивается с нарастающей мощью дальше. Как ни истолковывать идеи Маркса, основные мысли его учения сохранили жизнеспособность и по сей день и повлекут за собой еще огромные перемены в мире.

СКАНДАЛЬНАЯ СДЕЛКА

МИСТЕР Робертсон купил кусок Ирландии. Приглядел, выложил на стол звонкую монету и спокойно прошептал: «Заверните!».

Но как завернуть: купленный участок площадью больше 18 тысяч акров! Стюарт Робертсон не ирландец. Он не живет на территории Ирландской республики. Ирландия же не выдала из этой страны. Робертсон родился в Чикаго, а сейчас обитает в Бока-Ратон, что под небом Флориды. Он — американец. Причем весьма состоятельный американец, капиталист. Его бизнес — торговля недвижимым имуществом. Почему вдруг Робертсон высылал любовь к Ирландии, не совсем ясно. Скорее всего из чисто практических побуждений: требовалось выгодно поместить избыток долларов. Кроме того, он, как истый законченный дилец, наверняка считает, что вообще давно пора прибраться у старую, дряхлую Европу.

Сделка, заключенная Робертсоном, — прошла весьма вероятно, не замеченной, если бы не следующее неблагоприятное обстоятельство. Флоридскому маэлю приглянулось одно из излюбленных мест Ирландии... На купленном им участке находится знаменитое озеро Килларни и старинный замок «Росс кашин». Эта красивая местность в графстве Керри постоянно посещается туристами. И не случайно американская газета «Нью-Йорк таймс» почувствовала скандальную сенсационный характер этого приобретения, сообщила о нем 11 августа на первой странице.

«Нью-Йорк таймс» пишет, что были сделаны попытки предотвратить продажу частному лицу одного из самых известных уголков Ирландии, Килларнскому премьер-министру Костелло, например, обращались с предложением, чтобы озеро Килларни купило государственное туристское бюро. Больше того: некие энтузиасты из «Общества Бюфетчиков» в Бостоне предложили добыть необходимые средства в Соединенных Штатах, чтобы сохранить этот район по-прежнему общественными руками. Там не менее, хотя в ирландской песенке и поется: «Нельзя купить Килларни», озеро, являющееся национальным достоянием, перешли к новому владельцу — американскому барину...

Американский журнал «Сатердей ревью» напечатал серию статей, объединенных общим заголовком «Битва за книгу». Подборка эта вызвана к жизни несколькими запоздалой тревогой мыслящих американцев по поводу прогрессирующей инкультуры своих сограждан. Литературное отделение серого журнала особенно заметно падения интереса к книге, к серьезному печатному слову. Американец да бы ни провести такую анкету, 55 процентов населения занято чтением книг... Американский институт общественного мнения в 1937 году подсчитал, что 29 процентов населения во время опроса читало книгу. Ныне эта цифра упала до 17 процентов. Если и дальше будет происходить такое стремительное снижение, то, пожалуй, действительно книга станет в США такой же редкостью, как бизон!

На не менее грустные размышления наводят и другие сведения, использованные в журнале «Сатердей ревью». Так, только 13 из каждых 100 американских граждан систематически берут книги в библиотеках. «57 процентов американских юношей и девушек, окончивших средние школы, и 20 процентов, окончивших колледжи, не прочли за прошлый год ни одной книги...»

«Сатердей ревью» спрашивает: «Кто виноват в современном кризисе чтения в США?», но не дает ответа на этот вопрос. Думается, что ответ следует искать в общественной системе американской пропаганды, исходящей из взгляда, что чем меньше мыслящих людей, тем лучше.

ДЖОННИ НЕ ЧИТАЕТ КНИГ...

Далее приводятся данные опросов, часто устраиваемых в США. «Если провести в стране анкету, — пишет журнал, — то мы увидим, что в США в данный момент лишь 17 процентов взрослого населения держит в руках книгу... В Англии, где образование далеко не всеобщее, в любой момент, когда бы ни провести такую анкету, 55 процентов населения занято чтением книг...»

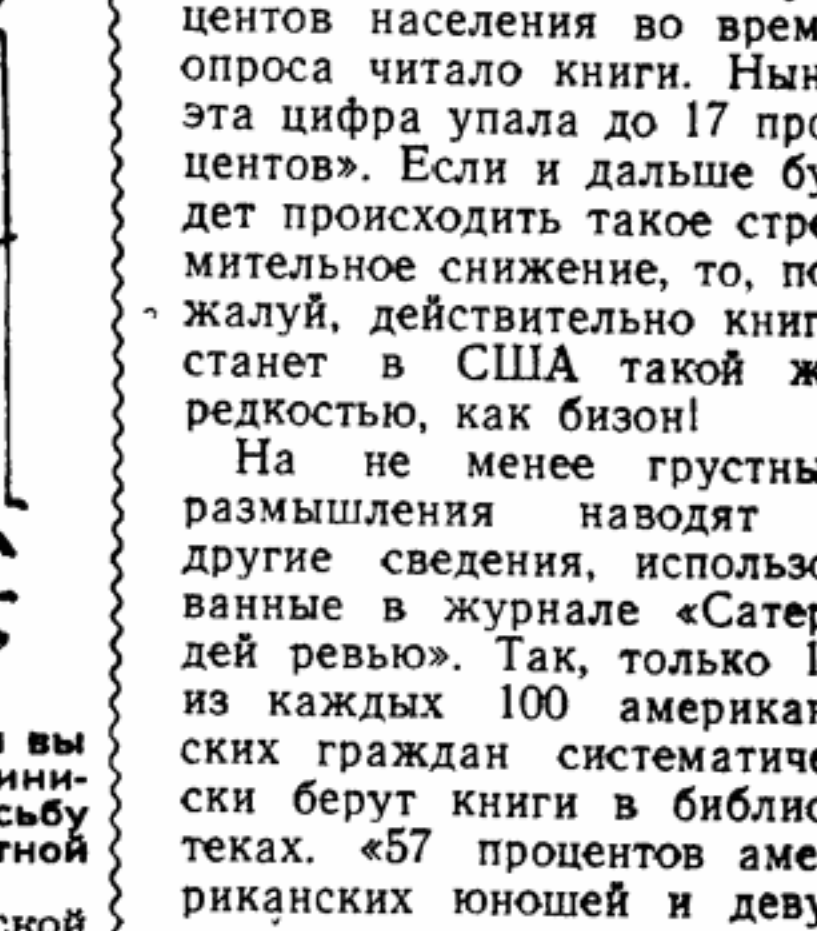


Рисунок из английской газеты «Дейли уоркер»

«Сатердей ревью» спрашивает: «Кто виноват в современном кризисе чтения в США?», но не дает ответа на этот вопрос. Думается, что ответ следует искать в общественной системе американской пропаганды, исходящей из взгляда, что чем меньше мыслящих людей, тем лучше.

Если перелистать некоторые западногерманские газеты, то несомненно придется на память старинная легенда о крысолове из Гамельна — совратителе коных душ. Не перевелись еще, оказывается, и сегодня крысоловы...

Газета «Франкфуртер нейе прессе» писала не так давно, что в Федеративной Республике Германии сейчас активно действует около 30 юношеских организаций с ярко выраженными неонацистскими тенденциями. Среди них — «Молодежный корпус Шарнгорст», «Бисмарковская молодежь», «Германская молодежь Восточной Германии», «Германский блок», «Орел» и другие. Все они проводят «слеты», организуют выступления бывших активных гитлеровцев, имеют печатные издания. Газета, предупреждая об опасности, которую таит в себе преступная авантюристская и нацистская пропаганда, пишет: «...С маленьких фашистских групп уже однажды началось, а кончилось второй мировой войной».

На встрече туристов в Людешейде наместил оратор, выступивший с поджигательским заявлением. «Самое святое и возвышенное для немецкого молодого человека, — сказал он, — отдать свою жизнь, как это сделали нибелунги XX столетия в обеих великих войнах». Этот оратор — Теодор Зейденфанд; он городской школьный советник в Кельне, то есть один из руководителей просвещения!

Организатор «слета» так называемого «Немецкого юнгштурма», проводившегося в долине Майна, — некий Альфред Цитманн. Как сообщает газета «Форвертс» в прошлом он был членом союза гитлеровской молодежи, служил в эсэсовских войсках, а в конце войны руководил подразделением «вервольфен» (фашистских диверсантов) в Оденвальде. Деятельность фашистских молодежных организаций в ФРГ вызывает возмущение и общественности, требующей усмирить современных крысоловов.

Крысоловы

Его прова отличается все тем же сатирическим блеском и искристыми юмором. В гротескных образах романа выведены целая галерея предпринимателей, чиновников, арестованных, банкиров, связанных общей цепью грязных преступлений.

С большим мастерством написаны и так называемые «Рассказы из календаря» — исторические новеллы, где Брехт дал реалистические картины прошлого, трагические страницы из эпохи завоевательных войн и религиозных распри, образы рядовых, маленьких людей и образы великих гуманистов — Сократа, Джордано Бруно.

Брехт никогда не отделял свою творческую работу от общественной деятельности. Он был активным строителем новой, демократической Германии. В сентябре 1951 года он опубликовал «Открытое письмо немецким деятелям искусств и писателям», в котором призывал всех представителей немецкой культуры объединить свои усилия в борьбе против опасности третьей мировой войны. Свой призыв он закончил обращением к историческому уроку: «Три войны вел великий Карлштадт. Еще сохранял лишь своих жителей после второй. После третьей войны от него не осталось и следов».

Литературная и общественная деятельность Брехта нашла высокое признание у всех людей доброй воли: в 1954 году он был удостоен международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Совсем незадолго до смерти писателя голос Брехта снова прозвучал на весь мир. Он обратился с открытым письмом к бюрократическому бундстагу, предупреждая его о трагических последствиях, которые повлекут за собой введение всеобщей воинской повинности в Западной Германии. В этом письме Брехт напоминал: «В дни моей молодости в Германии существовала воинская повинность, и началась война, которая закончилась поражением. Воинская повинность была отменена, но, уже будучи взрослым человеком, я стал свидетелем того, что ее ввели снова, и началась вторая война, еще более кровопролитная, чем первая. Германия снова полностью проиграла и эту войну, и воинская повинность была отменена снова. Те, кто вел ее и не успел скрыться, были повешены по приговору суда народов. Теперь, на пороге старости, я узнаю, что воинскую повинность собираются ввести в третий раз. Против кого будет направлена третья война?..»

Слова Бертальды Брехта были услышаны миллионами людей в Германии, ведущими борьбу против возрождения германского милитаризма. Его смерть глубоко опечалила всех, кому дорого народное, прогрессивное, революционное искусство.

ПАМЯТИ БЕРТОЛЬДА БРЕХТА Вечный искатель

Смерть Бертольда Брехта — жестокая потеря для искусства. С уходом этого смелого художника-искателя в драматургии и театре Германии остается место, которого никто не может занять. Международный театралный мир с горечью почувствует эту внезапную утрату.

Брехт был мастером социальной тематики, как драматург и поэт. Он был мастером социального зрелища, как режиссер. Драматургия и режиссура были в нем скитаны.

Единство вдохновения писателя и темперамента постановщика было обусловлено раз навсегда избранной им целью — создать зрелище современной нам общественной борьбы. Исторические и злободневные сюжеты были одинаково дороги ему, если они выражали борьбу классов. Он никогда не боялся политики в искусстве. Наоборот, он подходил к политике, как к самому обычному предмету искусства. Он знал, что, лишая драму политической окраски, он лишал свое искусство социального воздействия.

Разумеется, Брехт начала двадцатых годов по содержанию своей драматургии отличался от Брехта наших дней. Эпоха протестов, войн и революций была его школой. Он не страшился проходить эту школу, и прямота его идейных решений была не менее смелой, чем прямота художественных взглядов, оригинальность которых он защищал с боями.

Три периода жизни Брехта в искусстве будут всегда отмечаться критикой. Он был беспощаден к абсолютизму и мешающему времени веймарской Германии. Был бесстрашным борцом с гитлеризмом в годы своих скитаний. И стал верным и добрым поэтом рожденной после второй мировой войны Германской Демократической Республики. В его труде художника эти три ступени наши богато воплощение.

Что было неповторимой особенностью Брехта, как театрального деятеля?

Жизнь сцены была тем планктоном, который пытал и насыщал Брехта в его неуспешных поисках писателя.

Его кабинет драматурга был и началом, и продолжением сцены. Стихия сотрудничества господствовала во всем творчестве Брехта. Свои открытия, изобретения он никогда не осуществлял в одиночку, — он



проверял, ломал, изменял, дополнял их с помощью, с участием друзей, актеров, художников, режиссеров, музыкантов, литераторов. Мне не один раз доводилось видеть Брехта, когда он работал над новой пьесой или готовил новый спектакль. Он всегда кого-то ждал, кто-то должен был явиться, или он бывал уже окружен своими сотрудниками, либо беседовал с кем-либо.

Коллектив труппы работал на проверку себя зрителем еще до выхода спектакля. Мост между сценой и залом существовал уже до того, как кресла впервые заполнились публикой.

И больше того — зритель вовлекался в сотрудничество и над самой драматургией. Брехт рассказывал мне недавно, как ему удавалось постепенно заинтересовать в разработке пьесы крестьян одного кооперативного хозяйства, строящего плотину: они были приглашены сначала на просмотр спектакля, стали оспаривать отдельные положения и эпизоды, но подзорию их вопросом: «а как у вас?», они заставили театр прервать к ним и посмотреть их жизнь, затем Брехт попросил их совета, как изменить эпизоды, и вот тогда началось совместное творчество труппы со зрителями-крестьянами. Брехт сказал мне со своей тихой, чуть лукавой улыбкой: — Они думали, что только помогают нам. На самом деле, незаметно для себя, они стали также помогать своему хозяйству. Им было нелегко перед театром: с них ништяк представление и про них играют актеры, а с плотинной в деревне дела идут не очень похвально. Приходится подтянуться... Таким путем, оказывается, искусство тоже может влиять на жизнь...»

Эта работа Брехта характерна по своему стилю для действительно смелых его поисков в коллективном труде драматурга, актера, зрителя над созданием новых форм театрального искусства. Об индивидуализме Брехта приходится так часто слышать от театроведов и критиков. Но этот «индивидуализм» всю свою деятельность строил на широком, живом сотрудничестве с массами разнообразных коллективов и не только не чуждался «чуждого» голоса советника, но жадно слушал его и сам непрерывно окружал себя людьми совета.

Бертольд Брехт мечтал показать свой театр советскому зрителю. И необыкновенно грустно, что теперь, когда намечается поездка его труппы, он сам не может уже услышать на московской сцене музыку и речь, увидеть краски своих спектаклей.

Но его театр, его драматургия и поэзия, его труды по теории и педагогике — все наследие этого искателя и превосходного, мощного таланта — будут, конечно, жить и жить.

Конст. ФЕДИН

нибудь за рукописью, обложки перепечатанными листами бумаги. Его загорелая рабочая комната удивила меня однажды своими размерами и пустотой: в разных углах стояли одинокие столы и стулья. Брехт сказал:

— Это для сотрудников. Мы должны лучше видеть, что делаем для сцены, поэтому нам нужно много места.

Труд драматурга был для него трудом театрального постановщика: в драме уже заключалась будущий спектакль, а спектакль мог хорощо заранее увидеть в рукописи только коллектив. Поэтому кабинет драматурга становился для Брехта лабораторией со множеством ассистентов.

Чем же становилась для него сцена, когда пьеса превращалась в спектакль? Она делалась аренной сотрудничества со зрители-

все оружие» списали ему ненависть международной реакции. Когда Брехт оказался в США, ему предъявили обвинение в «антиамериканской» деятельности, он вызывался на допрос в комиссию конгресса в Вашингтоне.

Бертольд Брехт, отдавший столько творческих сил театру, был не только выдающимся драматургом, но и одним из крупнейших поэтов современной Германии. Многие его стихи стали массовыми песнями. Весь пролетарский Берлин, вся рабочая Германия знали знаменитую «Песню единого фронта».

И так как ты рабочий,
То не жди, что нам поможет другой:
Себе мы свободу добудем в бою,
Своей рабочей рукой!

Марш левой! Два! Три!
Марш левой! Два! Три!
Встань в ряды, товарищ, к нам!
Ты вольше в наш единый

рабочий фронт,
Потому, что рабочий ты сам!
(Перевод С. Волотина и Т. Смирновой)

В своих стихах Брехт заклимал фашистских мракобесов, лалаческие преступление гитлеризма («Гитлеровские хоралы», «Баллада о дереве и ветвях»). Он создал патетические стихи о беззаветном мужестве коммунистов («Хвала партии»), «Послание товарищу Дмитрову», «Борцам, заключенным в концлагере» и другие). Замечательны те стихи, где он выступает как борец за мир, как страстный противник войны.

С особой любовью и гордостью поэт писал о первой стране социализма — о Советском Союзе, о Германском советском рабочем классе («Великий Октябрь», «Эпитафия Горькому»), стихи о московском метрополитене и другие) Обращаясь к вождю мирового пролетариата Владимиру Ильичу Ленину, Брехт написал одно из самых прекрасных своих стихотворений «Непоколебимая ладилка».

Революционная, боевая, гуманистическая поэзия Брехта пронизана верой в торжество великих идей социализма:

Но придет и наше время, и тогда
Будет конечно с нуждою навсегда,
Поджигателям войны — пощадя не!
Пусть над нами вьется знамя —

красный цвет.
(«Песня о будущем»,
перевод С. Кирсанова)

Поэзия Брехта отличается замечательным разнообразием. Поэт владеет и строгой формой классического сонета, и ритмами баллады, и белым стихом, сознательно приближая поэтическую речь к простоте народного разговорного языка.

Как прозаик, Брехт завоевал признание читателей знаменитым «Трехгрошовым ро-